

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

9
М А И
1960

Год издания тридцать седьмой

КОМСОМОЛЬЦЫ БЬЮТ ТРЕВОГУ!

Важная стройка — под угрозой срыва.

См. стр. 7.

Вышел из печати
и рассылается подписчикам
«ГЛОБУС»
№ 2

(стр. 16)

Много эволюционных писем из разных уголков страны получают в эти дни шоферы Николай Щербаков и Дмитрий Чхеидзе. Вас интересует, что совершили эти двое обыкновенных советских людей? Тогда откройте стр. 15.

ПОЧЕМУ НАШИ ХОК-КЕИСТЫ СТАЛИ ИГРАТЬ ХУЖЕ?

Ответ на этот вопрос вы найдете в статье «Красный свет не загорится сам» (стр. 20).

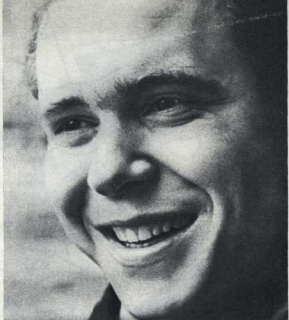
На стр. 18

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

рассказ
Евгения Пермяка
«САЛАМАТА»

ПАРНИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ...

Вот они — четыре простых парня: русский электрик Виктор Нестеров, врач из США Теодор Андерсон, английский шахтер Брайен Уэллс и парижский электромонтер Даниель Баде. Все они, выражая волю простых людей своих стран, горько надеялись на совещание в верхах, где главы четырех держав должны были бы открыто и честно, с искренним желанием установить мир на земле, решить неотложные международные проблемы.

«Мы уверены, что силы мира победят. Мы считаем, что советские предложения по разоружению и запрещению ядерных испытаний должны лечь в основу будущих международных соглашений», — говорил Виктор Нестеров.

«Я надеюсь, что на этой встрече лидеры великих держав смогут окончательно положить конец угрозе страшной войны», — заявил Теодор Андерсон.

«Пусть эта весна возвестит начало новой эры, которая навсегда освободит человечество от угрозы войны», — мечтал Брайен Уэллс. «Я хочу, чтобы приняли программу всеобщего разоружения. В его основу, на мой взгляд, надо положить план, предложенный Советским Союзом в ООН», — предложил Даниель Баде.

Под этими словами, под высказываниями этих четырех простых ребят могут подписаться народы всех стран, всего мира.

Но силы войны еще не сломлены. Не прекратили свою гадючью деятельность мировые бабсы из Пентагона. И в тот момент, когда молодой английский шахтер Брайен поднялся, утомленный, из шахты и произнес свои первые слова о мире, на далеком пакистанском аэродроме пират Пауэрс проверял в последний раз свое шпиконское снаряжение...

Совещание в верхах было торпедировано реакционными кругами США. Об этом убедительно говорил Н. С. Хрущев в своем парижском заявлении 16 мая.

«Сожалеем», — сказал глава Советского правительства, — что эта встреча не привела к тем результатам, которых ожидали после нее все народы мира. Пусть позор и ответственность за это лягут на тех, кто провозгласил разбойничью политику в отношении Советского Союза.

Американская военщина пытается разбить надежды народов, простых людей всего мира, надежды этих четырех парней. Не выйдет!

Вместо Вспоминания

Это недавних стон и выстрелов,
Отгреветая, заглохло.
Мир, отвоеванный, выстрадавший,
Благостным светом ворвался в окна,
Живые — дома;
не только фотографии их на стене.
Здесь, в Европе, —
конiec войны.

А над Страной восходящего солнца
Солнце нивое вставало.
Что ждало в то утро японцев?
Что ждало?

Туман предрассветный густ,
У самолетов суетится люди,
Забравший вложки груз
В бомбомые люки,
Линия фронта — мимо,
Штурман выверил угол атаки.
Курс — на Хиросиму...
Курс — на Нагасаки...

По утрам бирюзово Япония небо.
Дымок над крышей
свивается в жгут.
Жила-была в Японии некто,
Жил, как люди живут.
Была счастья? Томила ли грусть?
Одво известно:
гибели дата.
...Тыкался в материнскую грудь
Ленинцудим утром когда-то.

Черное солнце
жгло и хлестало.
Была человек.
Человека не стало.
Где человек?
Не стал же бесплотным!
Где человек?
Исчез, как во сне.
Где человек?
Вот он.
Вот он!

Видите:
вот он —
тень на стене.
Тень на стене
вместо рук, вместо щек,
Тень на стене
вместо плеч и лопаток.
Смерти атомной
черный зрачок,
Солнца черного отпечаток.
Нет, не рук оборванных иметь,
Не взгляды застывшего одиночества:
Тень
От человека
осталась.

Не было третьей мировой войны? Враки!
Даже намгнетик выбит этой войне:
Хиросима и Нагасаки.
Тень человека.
Тень на стене...

Начало века

Начало века
не в круглых датах,
Не в новогоднюю ночь,
в сто лет одну.
Рубеж на Одере,
взятый солдатом,
Залп «Авроры»,
рынок на Луну,
Факел, погашенный у запада, —
Века нового грань и начало.
Мы люди.
Мы крепче стали.
Нам есть чем гордиться.
Нас пеленали
Октябрь зарницы,
Плехова и походы,
Дым домен
и дым боев.

К МИРНОМУ СВЕТУ

АНАТОЛИИ РОСТОВ
ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Родина,
в трудные годы
Ковалось величие твое!
Неповторима,
Необратима
Ушедшего звеня.
Неодолима,
Неогратима
Нового вешня.
Цены имен и век
Вписана в книги истории.
Но кузница истории — цех,

Пашня, лаборатория.
Ум безстрашный,
Умелые руки,
Союз всегдашний
Труда и науки.

Не потому, что мала планета,
Что жить на ней стало тесно,—
Летит за ракетой ракета
В суверенную неизвестность.
Не потому, что вдруг разлилось
Дно родной Земли,—
Просто

у человечества крылья
Звездная отросли.
Европейское знание — косность
Ум, обхвативший мир иным,
Как свет, проникающий в космос,
Руки натруженные, земные,
Наша воля неунывающая
На Земле, во Вселенной — всюду
Путь в грядущее
Прокадывают людям.
Неверие в наши силы сломано:
«Спутник»,

«Спутник» — на всех наречьях.

Русское это слово
Стало общечеловечным.
Рано ли, поздно,
Как племню,
Освоим Луну
И звезды!
Землю отстою
от язв и нечести:
Мы ведь проходимки нового века.
Человек — для человечества!
Все для человека!

Здравствуй, Америка!

Америка, здравствуй!
Флаги.
Оркестры.
Официальные лица.
Премьер Советского государства
Прививает в твою столицу.

Каждое слово,
и жест,
и спор
Берется на пробу.
В умах брожения.
Луч телевизора бьет в упор,
Дробясь в бесчисленных изображениях.
Опрос прохожих — дело обычное,
Под нос микрофон: «Мистер,

Какого мнения вы,
лично,
О визите Председателя Совета Министров!»
Умственных не вытирает сыр,
Многие придерживаются
простого взгляда:

«Раз Президент пригласил,
Значит, так надо». —
«Вопросом меня не спрашивайте, —
Сметается мистр в нефтяной булузе. —
Скажу откровенно: я рада визиту,
Война не нужна
ни нам,
ни русским».

Еще одного подстерет объектив,
Минется в ялном случившем:
«Знаете ли, я детектив,
Я человек без мнения».

С чем приехал?
Догадок тьма.
Какая жена, дети!
Американцы весьма
Занимают вопросы эти.
Как поведет себя?
Что скажет?

Видят: неутюжим,
Уверен, доступен,
крикшит —
«Коммунист № 1».
Словно в трибуну врос,
В глазах лукавые искры.
На любой вопрос
Ответ дает прямо и быстро.
— Да, партия у нас одна.
(То, что думает, — выскажет вслух.)
Но она
Лучше вапих духи!
Не двуглавый орел ржавый,
Не Русь во Христе и печали —
Жизнерадостная дедушка
у него за плечами.
Не за долларами
протянута горсть

И не просьбы, не нужды —
Предлагает московский гость
Руку дружбы.
Шар земной
не избранных вотчина.
Мы за содружество наций.

Как жить лучше — вот в чем
Давайте соревноваться!
Покончим с войной,
как с фатальным злом!
В наш век и победа —
почти поражение.
Ракеты — в море, самолеты — на слом,
Всёобщее и полное
разоружение!

Лос-Анжелос. Голаяву. Реклама.
Волнение актеров, актрис.
Мир, опоясанный ракетой,
Пропитанный пылью кулис.

Звездная глаз россыпь.
Лунное волос серебро.
Венеры Милосской поступь —
Мерлиан Моаро.
Хозяин студии «ХХ век — Фокс» —
Задирный человек.
Только быстро утратил лоск
«Брат грек».

Пытался остричь, затеял спор.
Да, к стулу прижат, как конгустиный,
Поздно, но дюная:
не с ним разговор,
А с американскими тружениками.

Вечером в отеле «Амбассадор»
Прием.

Публика важная.
Мэр, как заведенный, мелет вздор:
Закончат-де хотим их заковать...
И мру
Надо звать меру!
Над счастьем мира
Давно ли ему последняя взвесь?
«Мы к вам летели двенадцать часов,
Домой долетим за десять».

Друзья или братья?

У скаульстес скал
Вольных волн кипенье,
Горды, словно бока
В землетрясочном нене,
Океаном омылаем,
Тихим да бурным.
Мосты над океаном,
Как кольца Сатурна,
Приближаются к берегу
Звезды, ветер и смех.
Хороши города Америки,
А Сан-Франциско — лучше всех!

Кортеж «кадиллаков».
В открытом — ой,
Коттеджи.

Индийская осень.
Мотоциклисты с обеих сторон.
Скорость — великая досада.
Полчицкий на всем скаку
Мотоцикл остановит, как иконный,
Ангения,
наушники, кольт на боку,
Моя, это не Европа нам!
Народ неотступный и тертый,
Крутящийся в беге времени,
В раскрытом багажнике —

и там репортеры.
Машина осела,
точно береминя.
Сообщениям другим
нет места уже,
Вытеснила все «Мистер Кей».
Плотные толпы приветствующих:

Фото Ю. Транквиллициго.

«Добро пожаловать!», «О'кей!»

Площадь битком набита,
Бьется о стены клич:
«Никита,

Никита, спич!
Никита, спич!»

Казенных точней реляций
На транспаранте слова приветя:
«Товарищ Хрущов,
К мирному свету».

...Известен всем
Дядя Сэм.

Бывает добрым,
Чаще — сердитым:
Конкуренция ломает ребра
Пошланиями и кредитами.

Деловит, энергичен,
Большой пролаза:
Так и рыщет,
Где бы пристроить базу.

Ему не в новинку
Восторгивший раж,
Большая дубинка
И шпанаж.
Обосновался в десятках стран
Как у себя дома.
Каждый может доловить сам
Дяди Сэма портрет знакомый...

О встречах в Кэмп Дэнде отчеты
скажут.

«Холодной войны» нелегко груз.
За маленьким столиком —
Соединенные Штаты
И Советский Союз.

Мы мир бережем и любим,
Дружить ни с кем не устанем.
И это мы, советские люди,
Говорили его устами.
Раньше войну увеличали в запас —
Теперь надо сделать небылью.
Выбора нет

ни у вас,

ни у нас,

Пора уживаться,
чтоб поздно не было.

Война или мир?
Друзья или враги?
Величие не в хлопанье дверьми.
Оно в стремлении понять других,
В знании жизни и правоте,
В добром примере, а не в подвохе.
Не потому ли нам верят и те,
Кто на сорок два года

отстал от эпохи?

Позади городов чехарда,
Тысячи миль бетона.

Выйши в человеке дар —
Умение убедить миллионы.

Валюй дружные!

То оттепель,
то метель.

Ночи короче,
длиннее дни.
Еще асфальтик не прилетел,
Но уже в пути к нам они.
Солнечный луч полуденный
В холмистый сутроб проинок,
Под льдыстым покровом

студеный

Оживает родник,
Осина

еще сонная,

Береза

еще седеет.

Похрустывая,

оседает.

Выпрямляясь, мушьясь,
Еле живой

и нежный,

По снежным излучинам

Тянется к солнцу подснежник.

Бурец кора сосен...

С запада, издадека,
Радиоволны доносят

Разновязочный клеток.

...Там, на Рейне, плават,
Диву днешься просто,

Самшо:

«Форвертс!» и «Хальт!»,

«Дранг нах Остене».

Им бы в стену лбом,
Им бы горе да гарь.

Бони.

Бони.

И оныть, как астарь:

«Разобомим в пух, в прах,
Все пойдет вверх дыном,
Будет дым столбом
И огонь в домах».

Переключу на волну другую.

Голоса в переключке дружные:

«Копачите призывы к войне и руганы!

Алой оружье!»

Воздушником платяную войну,
Недурот мира ослабим!

Помним,
Помним

Тень на стене,
Солнце

черное

Хирисимы.

По общему жить завету:

К мирному свету!

К мирному свету!»

В термометре ртуть ползет на плюс.

Ветра дышанье весеннее.

Это наших дней гульсь

И наших сердец биение.

Под пиджаком и под мушдиром

Оно свободно,

гордо,

дерзко,—

Не заглушить всем бомбам в мире

Стуж человеческого сердца!

Переполено до краев,
Капля еше —

и расщелнется.

Живая, жаркая хрюль

Любит, клокочет, мечется.

Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы поземкой метут...

В битву за мир мы вступили с врагами,

Нас еше судить суровые ждут.

К жизни без войн,

к миру без бед

Пробьем столбовую дорогу.

Мы духом окрепли в борьбе.

Смело, товарищи, в ногу!

Нью-Йорк — Москва.

Космический корабль плывет над землей

15 мая советский народ отправил в космическое пространство новый спутник-корабль. Не бомбу, угрожающую мирной земле термоядерным взрывом, несет над нашей планетой корабль, а кабину пилота. Он прокладывает путь человеку к неведомым мирам, к преobraжению жизни на земле. Он пронисится над Лондоном и Парижем, над Москвой и Нью-Йорком, над Хирсиской и Сталинградом, как символ сотрудничества народов, как страстный призыв советских людей к миру.

«Каждый может видеть теперь характер двух систем,— пишет английская газета «Дейли уоркер».— Продуктом одной накануне совещания в верхах является шпиконский самолет, другая запускает космический корабль для подготовки полетов человека к звездам.

Весь мир, все люди доброй воли рукоплещут советскому народу!

25 апреля 1945 года небольшой городок Торгау, расположенный на берегу Эльбы, стал известен всему миру. Телеграммы, депеши, газеты, радио повторяли: Торгау...

В тот день в районе Торгау советские солдаты встретились с американскими.

...Мы мчимся на «виллисах» по дороге на Торгау. Уже приближаются на парикмахерских волос указатели регулировки, по шоссе идут освобожденные с фашистской каторги русские и французы, молдаване и бельгийцы, украинцы и датчане. Бредут и немецкие беженцы. Они жмутся к большим магистральям, по которым передвигаются наши войска: боятся встретиться с небольшими отрядами эсэсовцев, которых еще не успели обезвредить.

По обеим сторонам дороги валяются опрокинутые вражеские грузовики, легковые автомобили, бронетранспортеры...

Вперед блеснула Эльба. Мы вышли из автомобиля, подошли к самой воде. На другом берегу реки раскинулся город. Это и был Торгау.

К нам подошел офицер и представился: — Гвардии лейтенант Сильвашко.

Оказалось, что именно он и его солдаты встретились с американцами.

В моей записной книжке сохранился рассказ Сильвашко:

«Мой завод автоматчиков был послан на разведку в Торгау: около него было выяснить, кто в городе. Судя по показаниям пленных и перебежчиков, немцы намеревались отстояться там долгое время. Они собрали в Торгау около тысячи фельдштурмов, подступы к городу сильно укрепили, передний край обороны заминировали, занятые орудия поставили на прямую наводку.

Каково же было наше удивление, когда мы, беспрепятственно переправившись на ту сторону, обнаружили, что немецкие траншеи пусты! Входим в город. Издали слышим, на кусты развезаются ящики Эльба. Не понимают. И друг к другу слышу: — Москва — Америка!

Выяснилось, что это американские разведчики. Им надо здание установить местонахождение русских войск.

Позвали офицера. — Лейтенант Робертсон, коман-

дир разведгруппы 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. — Гвардии лейтенант Александр Сильвашко.

Мы крепко пожали друг друга руки.

Это произошло 25 апреля в 15.30.

А двумя часами раньше подразделение гвардии старшего лейтенанта Гобордорфто встретилось с разведчиками американского лейтенанта Альберта Котцебу.

В этот же день танкисты маршала Рыбалко и генерала Лелюшенко обшарили Берлин с юга и сомкнулись с передовыми частями Первого Белорусского фронта. Стальное кольцо вокруг столицы гитлеровской Германии замкнулось. Все пути из Берлина были отрезаны.

Третья империя приходила к своему концу. А в далеком Сан-Франциско в тот же день, 25 апреля, встретились представители союзных правительств и, чтобы обеспечить народам земного шара мир и безопасность, положили начало Организации Объединенных Наций.

Независимо это время победы над фашизмом, время, когда на развалинах гитлеровской Германии обнялись солдаты союзных армий. Помнится, как на берегу Эльбы мы увидели командира батальона гвардии капитана Неуду. Выглядел он странно: на гимнастерке у него не было ни одной пуговицы, но было погон, на пилотке от звездочки остался только след.

— Неуд, званился за свой вид: — Поверьте, ничего сделать не мог. Американцы!

— То есть как!

— А вот так: все, что со звездочкой, выспросил. Началось со звездочки, потом с погона. Наконец, пошли в ход пуговицы. А как откажешь, сувениры!

Совсем недавно в перелистывал иностранные газеты за апрель 1945 года. Они пестрят официальными сообщениями, репортажами собственных корреспондентов, фотоснимками советских и американских солдат и офицеров и схемами, на которых встречались с востока и запада складается у кружочка, где написано «Торгау».

Не было буквально ни одной американской, английской, французской и другой европейской газеты, исключая немецкую, которая не отключилась бы на встречу советских и американских войск. Материалы об этом печатались на первых полосах.

Историческая встреча в Торгау, Красная Армия и янку соединились», — писала американская газета «Дейли уоркер».

Тут же, на рисунке, советский

воин и американский солдат, воткнув свои винтовки штыками в землю, протягивают друг другу руки.

Французская газета «Юманите», вышедшая незадолго перед тем из подполья, сообщая о встрече на Эльбе, поместила на первой странице схему района в прерыв.

Лондонская газета «Дейли уоркер» назвала встречу на Эльбе «великим соединением». На первой полосе газеты было изображено, как два танка — советский и американский, — идущие с востока и запада, поравнялись у Эльбы и раздали змею, символизирующую фашистскую Германию.

Среди разведчиков в подразделении Котцебу был солдат Джозеф Полосский. Это он в 1955 году выступил инициатором создания организации «Американские ветераны встречи на Эльбе» и до сих пор является ее бессменным секретарем. Дважды он приезжал в Москву во главе делегации от этой организации. В последний раз — в прошлом году. Делегацию принял Н. С. Хрущев. В своем выступлении на пресс-конференции американских ветеранов войны Полосский рассказывал: «Сегодня мы были приглашены к премьер-министру Н. С. Хрущеву и сделали ему небольшой подарок — предочесли бровью карту, которой пользовался первый американский разведывательный отряд, установивший контакт с советскими войсками в Германии. Эту карту мы рассматриваем как символ тех добрых отношений, которые могут и должны быть между нашими народами».

Это была карта лейтенанта Альберта Котцебу.

В одном из номеров журнала «Мир» описывал встречу на Эльбе:

«...Эта встреча армии состоялась в полдень 25 апреля 1945 года на залитом кровью берегу реки, усеянном изуродованными трупами людей из числа гражданского населения. После первых радостных приветствий американские и русские солдаты осматривали вокруг и увидели лежавшего повсюду убитым. В глазах не бросилась маленькая девочка с голубыми глазами и длинными каштановыми волосами, сжимавшая в одной руке карандаш, а в другой — кулю. И в момент исторической, долговечной встречи американской и советской армий все солдаты поклялись сделать все, что от них зависит, чтобы создать лучший мир, мир, где дети могли бы вырасти здоровыми и свободными и имели бы большие надежды на жизнь, чем маленькая девочка на берегу Эльбы».

Вот она, незабываемая минута — советские воины встретились с американскими...

ПЯТАДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

В. ШУТОВ,
гвардии майор запаса,
ветеран встречи на Эльбе.

Дмитрий Полосский передает Никите Сергеевичу Хрущеву бровью карту, которой пользовались американские разведывательные отряды, первыми встретившиеся на Эльбе с советскими войсками.

Дорогая редакция, я слышал, что скоро будет начато сооружение канала Иртыш — Караганда длиной в 500 километров.

Прошу вас рассказать в журнале о строительстве этого канала.

Вашинградец АССР,

дер. Кондаковна.

И. ГЛАДИХ

Воды Иртыша потекут в Караганду

Казахстан — край несметных богатств. Его недра хранят в себе залежи каменного угля, железной руды, меди, редких металлов. Гиганты индустрии выросли в республике за годы Советской власти: Темук-Тау, Караганда, Джезказган. Десятки новых крупных предприятий будут построены в течение семидесяти лет.

Все новые и новые клады открывают наши геологи. Под Экибастузом и Майкубеном найдены мощные пласты каменного угля, лежащего на самой поверхности; под Бозшакулем — медь; под Майканином — золото. Но все эти богатства разрабатываются не полностью.

Дальнейшее развитие тяжелой промышленности Казахстана сдерживает отсутствие достаточного количества воды. 652 миллиона кубометров воды потребуются Казахстану в 1965 году, а через двадцать лет — 2 миллиарда 529 миллионов кубометров. Кто же выпьет эти моря? Окажутся, те же уголь, сталь, прокат. Подсчитано, что для производства одной тонны стали нужно от 16 до 24 кубометров воды; для добычи одной тонны угля в шахтах — кубометр воды.

Есть в Казахстане и другой потребитель воды — земля. Она горюет от жажды. Если же орошить ее, она даст невиданные урожаи пшеницы, фруктов, овощей.

Многие ученые, инженеры, хозяйственные и партийные работники изучали проблему водоснабжения Казахстана. Были разработаны самые разнообразные проекты.

Инженер М. Давыдов предлагал повернуть Енисей и Обь на юг, заставить их течь через казахские степи в Каспийское море. Смелая мысль! Но для ее осуществления потребовалось бы десятки лет.

По другому проекту предполагалось использовать воды Сыр-Дарьи, Урала, Или. Но все эти реки расположены далеко от Казахстана, и поэтому каналы, провешенные от них,

стоили бы очень дорого и строились бы не менее 10—15 лет.

Ближе других рек к Центральному Казахстану Иртыш. Значит, именно он должен отдать ему свои воды. Проект канала Иртыш — Караганда представлялся всем наиболее реальным. Но и здесь не обошлось без споров между учеными. Восемь вариантов трассы было предложено на рассмотрение специально созданной комиссии.

Недавно правительство утвердило окончательный вариант, так называемый Шадертинский, предложенный работниками нашего научно-исследовательского института «Гидропроект». В чем же преимущество этого варианта перед остальными?

Во-первых, сроки его строительства кратчайшие — всего пять лет.

Во-вторых, длина канала по сравнению с другими предлагаемыми трассами небольшая — 514 километров.

В-третьих, канал будет проходить около важных промышленных центров, а не в безлюдной пустыне.

И в-четвертых, проект этот самый рентабельный, самый дешевый.

Посмотрите на схему. Канал берет начало на Иртыше под Павлодаром, возле селения Ермак. Насосная станция поднимет воду на 20 метров вверх, и 104 километра она пойдет самотеком. В районе Экибастуза будет создано резервное водохранилище. А дальше левке канала станет подниматься все выше и выше — на 475 метров! Чтобы поднять воду на такую высоту, потребуются 23 насосные станции общей мощностью в 342 тысячи киловатт. Энергию им даст построенная здесь же, на Экибастузском угля, большая тепловая электростанция. По закрытым трубам вода пойдет на юг, в Майкубен и от него — в Майканин.

Неподалеку от Бозшакуля с запада на восток течет река Шидерта. Люди повернут ее

вспять; пусть теперь она течет с востока на запад, по линии канала! Пока еще не решен вопрос, пойдет ли трасса канала прямо по руслу реки или вдоль берега, но ясно одно: реку мы заставим течь так, как нам понадобится.

Этот участок канала самый трудный, самый высокий. На плато, на водоразделе между реками Шидерта и Нура, воду поднимут десять насосных станций. Семьдесят пять кубометров воды в секунду будет проходить по каналу. Заметим, что в Москве-реке проходит лишь двадцать пять. Канал закончится резервным водохранилищем, расположенным близ Караганды, рядом с уже существующим Самаркандским водохранилищем.

Таков путь канала Иртыш — Караганда. Мы уже говорили, что этот вариант канала будет самым рентабельным из всех предлагаемых. Подсчитано, что для постройки его нужно вынуть около 100 миллионов кубометров земли и уложить около 1 миллиона кубометров бетона. Напомним, что при строительстве канала Москвы было вывезено 200 миллионов кубометров земли и уложено 3 миллиона кубометров бетона. Строительство канала Иртыш — Караганда будет стоить 2 миллиарда рублей. Но сюда придут отчисления строителям, уменьшатся зарплата колхозник, и молодежь, которая тоже научится экономно расходовать государственное добро. Мы думаем, что за время строительства канала в комсомольскую копилку будут внесены сотни миллионов рублей.

В 1963 году будет сооружена первая очередь канала — от Иртыша до Экибастуза, в 140 километров; вторая, до Караганды, — в 1965 году. А позднее, в 1970 году, вода пойдет еще южнее, — в Атасу и Джезказган.

Тысячи добровольцев придут сюда, в Центральный Казахстан, на великую стройку семидесятки. Новейшая техника будет брошена им в помощь. И — кто знает? — может быть, молодежь решит по-своему, и канал будет сдан раньше намеченных сроков!

А сейчас на месте будущей трассы круглосуточно трудятся огромная комплексная экспедиция. Проводятся топографические съемки, изучается геологическое строение грунтов, мощность рек.

Мне, как главному инженеру этого проекта, пришлось изведать весь Центральный Казахстан. И там, на месте, я еще раз убедился, как жизненно необходим канал этим иссушенным землям. Скажу прямо, что работа над проектом канала Иртыш — Караганда оказалась самой сложной и самой интересной из всех, которыми мне до сих пор доводилось заниматься.

В нашей группе наряду с опытными проектировщиками горячо и самоотверженно трудились молодые инженеры, такие, как Евгений Смирнов и Александр Асарин, недавно окончившие институты. Эта работа стала для них хорошей практической школой.

На трассу канала скоро придут строители, а мы, проектировщики, уже заглядываем в будущее и думаем над планами новых годовых «дорог жизни».

И. СЕМЕНОВ,
главный инженер проекта канала
Иртыш — Караганда.

СТРОЙКА ПОД УГРОЗОЙ СРЫВА

Уважаемая редакция!
Мне очень хочется
узнать, кто была та де-
вушка, которая бросила
букет цветов Чернышев-
скому во время его бра-
досданской казни.

С. БЛЯХИНА
г. Москва.

ИНЦИДЕНТ НА МЫТНИНСКОЙ ПЛОЩАДИ

Известно, что за революционную деятельность Н. Г. Чернышевский был приговорен царским правительством к семи годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь. 19 мая 1864 года, накануне свадьбы, на Мытнинской площади Петербурга над Чернышевским был совершен обряд «гражданской казни». Многогрудная толпа окружала высочайший черный помост. Палачи поставили Чернышевского на колени, чтобы переодеть над его головой шапку. В это время какая-то молодая девушка бросила к помосту большой букет живых цветов. Вслед за первым полетом другие букеты. Среди полиции поднялся переполох. Переодетые городские ловили букеты на лету, вырвали цветы из рук и бросили их в грязь. Вся площадь была усыпана разноцветными цветами.

Девушка, первая бросившая букет, в ту же минуту была отправлена в полицию. Очевидцы рассказывали, что, когда ее сажали в карету, девушка тиснула крикнула жандарму, хотевшему сестр рядом: «Дурак, куда лезешь!» Тот послушно пошел на колды.

В полицию ее спросили:
— Вы первая бросила цветы?
— Я! — смело ответила де-
вушка.

— Зачем? Что он вам, род-
ственник?

— Этим я хотела выразить свое уважение к Чернышевскому!
— Почему? — продолжал до-
бываться полицеймейстер.

— Я в него влюблена, — озор-
но ответила та.

Задержанная оказалась восемнадцатилетней курсисткой Марины Петровны Михайлис. Старшая сестра Марии, Людмила, была женой революционного демократа, известного публициста, соратника Чернышевского Н. В. Щеглова. Брат Марии, Евгений, — один из руководителей

революционного студенческого движения — находился в это время в далекой ссылке. Теперь и совсем еще юную Машу зачислили в «неблагонадежные». В списке тех, кому было разрешено свидание с Чернышевским, губернатор приписал: «В случае же, если будет просить свидания с Чернышевским... Михайлис, то ей в том разрешения покорнейше прошу не давать».

На следующий же день после события на Мытнинской площади Машу вместе с матерью выслали в деревню Подол и обяза-
ли не отлучаться из деревни без позволения начальства.

Полицейстер просил у губер-
натора разрешения установить «за поведением девицы Михайлис
полицейский надзор ввиду ее

вредного направления». Губернатор предписал полиции: «Наблюсти, чтобы в случае прибытия Михайлис в Петербург было немедленно мне доложено». В деревне Подол Маша жила около года, потом переехала к другому «поручителю» в окрестности Петербурга.

Полицейский надзор не изменил ни характера, ни убеждений «девицы Михайлис». В глазах «благонамеренного» общества она зарекомендовала себя «крайней нигилисткой». Женя Марин — сын придворного архитектора — был шокирован ее арестом и предпочел отказаться от своей новости.

Когда в середине 70-х годов началось знаменитое хождение в народ, Мария оказалась в рядах

Дорогая редакция!

В первом номере «Смены» за этот год была опубликована корреспонденция «Стройка набирает силу», в которой рассматривалось о строительстве на нашем предприятии цеха борных удобрений. Мы не будем повторяться и снова говорить о том, какое огромное значение для нашего сельского хозяйства будут иметь борные удобрения. Добавим лишь, что их применение на совхозных и колхозных полях позволит не только значительно повысить урожайность всех культур, но и даст стране при-
былительно 30 миллиардов рублей экономии в год.

Учитывая это, коллектив нашего комбината решил построить новый цех не в 1964 году, как это было намечено, а к концу текущего, 1960 года.

Госплан СССР поддержал эту инициативу и установил срок сдачи в эксплуатацию цеха борных удобрений в декабре 1960 года.

Комсомольцы комбината взяли шефство над этой стройкой.

Однако сейчас мы обеспокоены создавшимся положением. Темпы строительства совершенно неудовлетворительные. Из шести миллионов рублей, ассигнованных на строительство цеха, освоено лишь один миллион триста тысяч рублей. Московский областной совнархоз и Государственный институт проектирования химических предприятий (директор Г. Я. Здоронцев) не обеспечивают своевременно пусковой объект технической документацией, механизмами и строительными материалами. До настоящего времени нет рабочих чертежей на нестандартное оборудование, строительные и технические металлоконструкции, электросиловое оборудование, технологические трубопроводы и многое другое.

Мы обращались к комсомольцам «Гипрохимам» с просьбой помочь ускорить проектирование цеха борных удобрений, но комитет ВЛКСМ «Гипрохимам» нам даже не ответил.

Нам нужны башенные, самоходные и автомобильные краны, однако начальник управления капитального строительства и оборудования Мособлсовнархоза Г. П. Грачев отделяется только общими словами.

Строительство цеха борных удобрений и реконструкция химического комбината буквально задыхаются из-за острого недостатка металла. В этом повинно управление материально-технического снабжения совнархоза (начальник А. А. Мигрумов).

Мы возмущены таким отношением к молодежной стройке со стороны совнархоза и «Гипрохимам». Создается угроза срыва намеченных сроков.

Этого допустить нельзя!

По поручению комсомольцев
Воскресенского химического комбината
секретарь комитета ВЛКСМ

В. ОЛЕЙНИКОВ

народовольцев. Вместе со своим мужем А. Богдановичем она вела активную пропаганду среди крестьян в Саратовской губернии.

В 1878 году Мария Петровна Михайлис была арестована, а через год привлечена к суду как соучастница А. Соловьева в покушении на царя Александра II. Три года просидела революционерка в Петропавловской крепости. В 1882 году она была выслана в Новгород, снова под надзор полиции. Но тюрьмы и ссылки так и не могли сломать непокорный дух Марии Михайлис, которая до конца жизни осталась верна революционным идеалам.

Е. УХАЛОВ,
кандидат филологических наук.

Виктор БОКОВ

Письмо из лесу

Вала! Я из лесу только что.
Пахну сосной, мохожелем,
Ветер лесной пританис в моих полахос.
Сядь, дорога, поближе,
Я так тебя помяную,
Столько тебе рассказану о лесах...

Дуб-часовой, с желудами
В подсмуге солдатском,
Встал и глядит, охряная
Родные леса.
Брат его старший погиб
У Смоленска, под Гжатском,
Младший растет,
Подпирая плечом небеса.

Две муравьиные груды,
Как два государств!
Ели почетной охраной
Построили в ряд,
Я постоял, помолочал, постучался,
Мне не ответили:
Все муравьи еще спят.

Синининг в руках.
Выхожу я к Орловским озерам.
Зыблется берег,
Осенние листья плывут.
Определяю рыбачьим решительным
Взором,
Где, под какою корягою
Щуки живут.

Рядом рубины жарюют,
Как уголь в пылаюте,
Ярким пылаем заполнены все уголки.
Каравет с ближней осины
Ворона воронет:
— Что, поелтнал! Полююнт!
Или вгоды сплншком горюют!

Я поклонился
Земным и синовним поклоном
Бору густому,
Глухой подмосковной тайге.
Гриб бороник пританис под кленом,
Ни червячка
В белоснежной и крепкой ноге.

Лес зашумел.
И тоскою повело всюду.
Осень. Осипались листья.
Дороги и дали пусты.
Грустно тебе, дорога!
Я больше не буду!
Передо мною не лес!
Не осеннее поле, а ты!

Ты!
Каждый мускулу
Тобюю либу дышит!
Весла беру,
Чтобы к пристани нашей грести,
Чтобы скорее увидеть,
Скорое услышать,
Руки вокруг шем,
Как ветви лесные, сплестит!

Тетеревиный романс

Я это видел, я это слышал,
Этого мне не забыть.
Тетерев на проталинку вешел
И стал из луужицы пить.

Перекапывался хрустальный горошек
В торпышке асосье.
Он стоял на земле без сапожек,
Песенку борочка:

«Ах, тетеря! Чего таньшась!
Не бежаш на свиданье белом!

Иль холодной воды боишась!
Или дулаешь о другом!»

На призывную песню такую
Завулача ответная грусть:
«Ты не видишь! Я тоже токую,
На сучке на словом томлось!»

Он пошел к ней пешком по лощинке,
Глядя вверх, говорил, говорил...
А на луужицах были морщинки:
Этo ветер весенний дурит!

Музыка

Без сакрели, без флейты, без скрипки,
Без певучести соловья,
Что бы зычелки эти улыбки,
Что везде караулит меня!

Все пронизано музыкаю, песней,
Откровенною радостью птиц.
Теплым вечером в роице чудесной
Светлый месяц под музыку спит.

След ее затерялся в столетях,
В древних Брянских и Брянских лесах.
Я мелодию слышу и в этих
Завянувшихся волосах.

И когда твои горькие губы
Негасимым огнем опалат,
Мне послышатся медленные трупы,
Что в поход собираться велат.

Все мне чудится голос органа,
Я могучим потоком ранни,
И душа моя, словно мембрана,
Каждый звук поворачиват за ним.

Всюду музыка! В шуму под кленом,
В соловьиных коленях в саду,
И в твоем поцелуе злобленном,
И в твоём обещанье: «Приду!»

ГЛАВНАЯ ТЕМА — СОВРЕМЕННОСТЬ

Выставка «Советская Россия» открыта. Чем примечательна она, каковы особенности этой выставки, чем она отличается от многих художественных экспозиций, предшествовавших ей?

Прежде всего хочется отметить, что впервые сделана попытка объединить и представить вместе художников из всей Российской Федерации, показать, над чем и как работают художники, скульпторы и графики областей, края и автономных республик Советской России. И действительно, много свердловчане, челябинцы, художники Иваново и других городов заявили о себе, как говорится, во весь голос. На финише москвичам и ленинградцам — традиционным финалистам прежних лет — теперь пришлось потесниться.

Подготовка к выставке длилась больше двух лет. Проведенные смотры работ на местах показали не только небывалый творческий подъем всех художников, но и невиданный ранее интерес зрителей. Подготовка к выставке «Советская Россия» стала не только делом самих художников, но и кровным делом партийных и общественных организаций, учреждений и предприятий, где устраивались обсуждения работ земляков, где выдавались первые общественные «отзывы» в журнал. Лучшие из лучших работ деловым были повлечены на стендах выставки «Советская Россия». И сегодня, когда залы выставки уже приняла первая посетитель, когда в «книге отзывов» появились первые отзывы, можно сказать, что она имеет успех. Скорее устава прост и законсервирован художники Российской Федерации пишут жизни, а зритель приветствует изобразительное искусство, которое отражает действительность.

Тема современности — главная тема выставки.

Чувство современности свойственно большинству работ в залах выставки.

Большое место на выставке занимает вечно живая тема — тема Ленина: ведь без Ленина не мыслится советская современность. Характерная деталь: какую бы тему ни решал мастер, будь то революционная или гражданская, первых пятилеток или тема Отечественной войны, постоянно ощущается уверенность рука художника сегодняшнего дня, художника-современника. Большинство произведений отличаются глубиной и смелостью замысла.

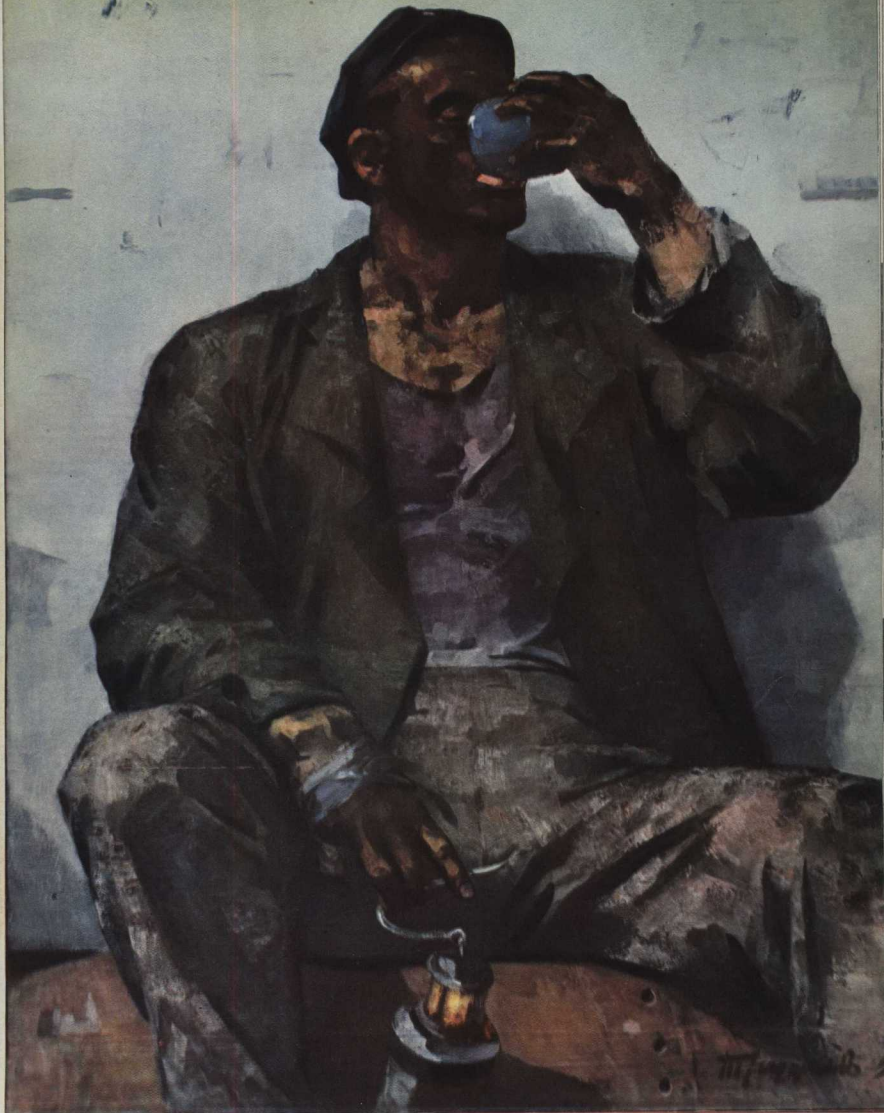
В этой связи хочется отметить талантливые работы таких молодых мастеров искусства, как Коржев — его триптих «Поднимающий знамя», «Интернационал» и «Гомер»; Нейштайн, создавший серию интересных портретов рязанских передовиков сельского хозяйства; Иванов и Стожаров, Симонов и Труфанов и многих других.

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что вообще лицо выставки определяется молодежью, которая с позиций социалистического реализма решает тему труда, быта и отдыха советских людей по-совому, по-молодому, оригинально.

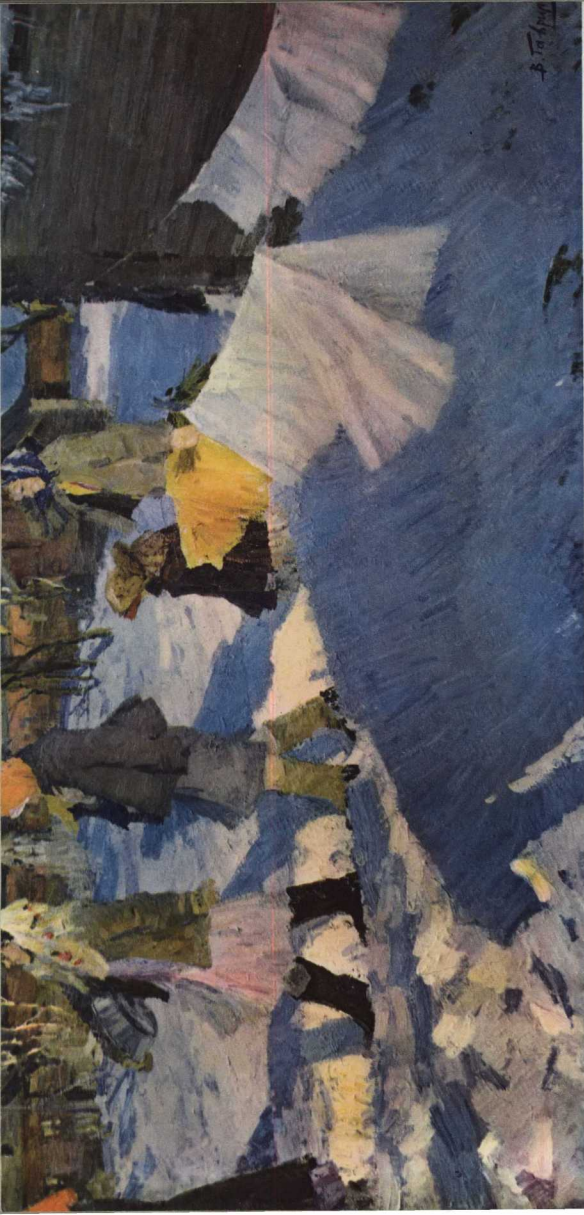
Но не все авторы по-настоящему глубоко раскрывают свои творческие идеи и замыслы. Встречаются на выставке работы, авторы которых слишком увлекаются исполнением, формой. В таких произведениях, как и следовало ожидать, образ нашего современника отражен поверхностно.

Хочется думать, что искусствоведы и критики не ограничатся общей оценкой выставки и лучших работ, а откровенно, по-дружески строго и придирчиво проанализируют работы менее удачные, помогут их авторам разобраться в своих ошибках: ведь изначальная декоративность, плакатность это не главный путь развития советского изобразительного искусства.

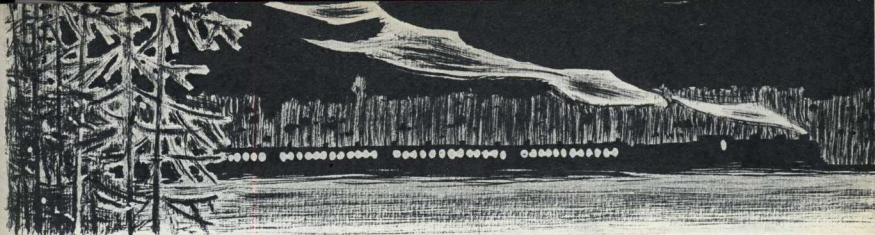

М. Труфанов. Шахтер.

В. Герасимов. Радостный март.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Пассажирский вагон Южно-Сибирской железной дороги. Ночь. В неярком свете мутной лампы фигуры людей. Богатырским своим слат парни в телогрейках. Посыпает седеющей старичок, положив на колени потертый портфель. Шелуится о чем-то пожимая хакими н, боясь, проехать Югачи, на каждой остановке хватаются за свои пожитки. Но до Югачей далеко.

Во втором часу ночи поезд останавливается в Аскизе. Узкие вагонные двери распахиваются неслыш. В сонное тепло вагона врывается стужа зимней ночи. Грохочут сапогами и шаркают валенками пассажиры. Они быстро забираются на третьи полки, шумно устраниваются на полки и уже через четверть часа, точно соговорившись, засыпают. Встречные поезда, пролетая мимо, пронизывают светом каждае купе вагона.

Меня не спит. В соседнем купе я слышу приглушенный говор. Окаюций девичий голос как будто с укором в который раз уже повторяет:

— Ну иди же, Юрья, иди, поезд отправит!

Ничего не слышно в ответ. Но мне кажется, что тот, кто пришел в наш вагон провожать, берет ее руки в крошечных варежках в сон и тихо, без слов жидет, что же она скажет еще.

— А вчера я тебя вспоминала, Юрья. Не вернись! Иду вечером от Веры, огни в домах гаснут. А я люблю смотреть, как огни гаснут. В каждом большом доме одно окно обязательно светится. Вот и вчера в нашем доме смотрю: светится. Сидит за столом. Коля Бас-тужев, путевой мастер, что-то пишет. Наверное, Зине в Аскизе. Вот и подумала я: он — Зине в Аскизе, а ты мне — в Бискамажу...

На перроне разделяется синисток дежурного. Вагон держится, и много окон начиняют проливаться вокальные огни.

— Юрья, ну что же это, сумасшедшица! — слышу голос дежурши.

— Я провожу тебя. А под утро эти же поездам в Аскиз. К работе поспею. — Юрья смеется.

— А билет?

— Билет я купила еще днем.

Девушка вздыхает и радостно, не скрывая своих чувств, улыбает-

ся в ответ. Да, я вижу, понимаешь, вижу через стенку купе ее улыбку. Так улыбается подуря, когда вы прощаетесь с ней, торопясь на последний автобус, а потом остаешься, чтобы, проводив ее, отправиться домой, километров за семь, пешком...

За стеной умолкают. Может быть, они, как и я, смотрят в закопченное оконное стекло, поиртуют темными, грозноватыми лыдинками. Даже через это окно можно любоваться подоснеженными лунной алочками, горбатыми сугробами со следами неведомых ночных гостей.

Около меня останавливается проводница.

— Не спишь! — Ей, видимо, очень хочется поговорить со мной, и она присаживается на краешек скамейки. — Им вот тоже не спится, соседям.

Оказывается, не только мне известна эта «тайна». Я неприятно удивлен наблюдательностью проводницы. А та, не замечая моего неудовольствия, продолжает:

— Юрья библиотекарь в Аскизе

работает. Профессия самая что ни на есть штатская. Он пришел в девять, ушел в шесть. Большая вся жизнь пиджак на один стул. А Нина, она наша, железные дороги строят, в восемьсот тридцать пятьем строительно-монтажном поезде техниксн... Она у меня на квартире жила в Аскизе.

Хорошо они дружили. Он только все сердился, что наши читают мало. Однажды писателев откуде-то пригласил на вечер в библиотеку. Надо вечер открывать, а он волнуется: Нины нет! Ждал, ждал, не дождался, без нее начали. А она в тот вечер решила проехать перергон до Югачей ночным поездом с ручной, посмотреть, как пути себя чувствуют. Уже знала, что скоро поезд их из Аскиза на Тейскую ветку переберост, и вот захотела своим перергон последний раз навестить. Стрелна все-таки!

Юрий до утра на крыльце присидел, а утром взглядываю в окошко — идет моя красавица. Он стоит, насупился, а она хочотет: уезжай, мол, с вечера проводишь. Сначала с дорогой, теперь вот с

тобой... С тех пор так и путеше- ствует нинев счастье на колесках — она за делом каким в Аскиз, а он ее ночным поездом провожает. А может, и она-то так выживает, чтобы в свободном времени сидеть в Аскизе? Кто же знает! Слышь, идут они. В тамбуре стояли. Пели. Голоса у обоих хорошие. Очень душевно поют!

Проводница уходит. Мои попутчи- ки, о которых я теперь знаю слишком много, продолжат разговор, нечатыи, видимо, в тамбуре.

— Так ты и будешь, Нина, ездить? Из Аскиза в Тейо, из Тейо в Тайшет...

— Юрья, ведь профессия у меня такая. Я же в эсэмэ. Сам знаешь. А какой же поезд, будь он даже монтажным, на месте стоит — Нина вдруг оживляется. — Знаешь, Юрья, брось ты свою библиотеку! Тогда вместе будем. А работу тебе найдем.

— Что ты! Да вы все, как бы вы с дорогой справились, не будь Семена Михарича. Нина Басилье- вы, менайт! Разве можно в такое время библиотеку бросить! Все закончили на мне. Ты сама заочно кончала. А вечер Толстого? Я доплатила. А кружок поэтов! Сама Соловьев поэтом станет, ему только помочь... Не могу я без них, без ребят...

— А без меня можешь? Да? Можешь?

— И без тебя не могу...

— И я!

— Симка! Это ты написала. Ты послушай. — И он начал читать, глубоко выдыхая слова:

Огни сходились путевые,
Чтоб снова разойтись в ночи.
Зонку нас рубиловы плещет,
Нас провожают Югачи.
Путриту долги идут путевые,
И мы, утробные, придем.
На полустынных наше сердце,
Плывет путевым огнем...

...Когда-то они увидят еще! Какой ночной поезд снова подарит им короткие часы встречи! Уже светает, остаются последние километры до станции. А часа через два в этом же вагоне на желтой скамье Юрья будет трястись по пути назад и вспоминать сегодняшнюю ночь, каждое слово из разговора, теплые руки Нины...

А. МОРКОВКИН
Станция Бискамажа,
Ханассия.

Рисунок В. Михайлова и Н. Фильчагиной.

Евгений ПЕРМЯК

Рассказ

Рисунки В. Борздыаловской.

САЛАМАТА

Бывает, что сегодня и вчера переплетаются в одном узоре так, что ты не можешь разлучить минуточку и наши дни. Они, как мать и дети, живут в одной семье — в одном рассказе...

В прошлом году меня звали на день рождения Светланы — дочери моего школьного товарища, с которым я виделся довольно редко. Светлане исполнилось двадцать лет. Она училась на каких-то курсах, имеющих какое-то отношение к звероводству, которое, как мне показалось, не имело никакого отношения к ее стремлениям.

Отца Светланы жаловался мне на то, что после окончания десятого класса его дочь преследует неудачи, и последней из них он назвал любовь дочери к некому Володе.

— У этого Володи, да будет тебе известно, — сообщил мой друг, — ни одного метра жилой площади. Прописки он у легки, а живет где придется, и специализация у него... Как тебе это понравится?... Специальность у него — шофер-механик... Работает в каком-то заводском гараже треста столовых. Заработок в трехзначном исчислении... А собственного достоинства и самоуверенности... Как будто он обладатель докторского диплома и готовится стать вторым Менделеевым. Вот он сидит рядом с дочерью.

Мой друг указал на молодого человека лет двадцати пяти. Его волнистые светлые волосы

были высоко зачесаны. Умные, добрые глаза смотрели приветливо из-под длинных белесых ресниц. По всему было видно, что чувствовал он себя виновато. Мало ли. Отказался выпить вторую рюмку настояки. На вопросы отвечал сдержанно и почтительно даже малодуш.

Когда десятилетний сын моего товарища спросил его: «Володя, а ты чем лицо моешь? Тоже безяновой?», — Володя, чуть смутившись, ответил: «Водой и мылом».

Отцу Светланы и ее матери «женки» явно не нравились. Они не упускали случая, чтобы унижить его в глазах дочери. Все это мне запомнилось, может быть, и не столь поучительно, но, во всяком случае, несколько необычную сибирскую историю любви батрака и девушки из зажиточной середняцкой семьи Шумяиных. И я привнес тогда рассказывать, как это было.

А было это в двадцатых годах. Парня звали Тимофеем, а девушку Настасьей. Впрочем, этим именем ее никто не зывала. Для всех она была Саламатой.

Это ласковое прозвище она получила в раннем детстве. Рязанские платинки-отходники, разрушившие Шумяиным дом, угостили маленькую Настю саламатой. Это кушанье так понравилась девочке, что ее первым отчеством произнесенным словом оказалось «саламата».

Саламатой, смеясь, стала называть ее мать,

потом сестры, а за ними и вся деревня. Ласковое прозвище стало вторым именем Насте.

Саламату я встретил впервые, когда ей было девятнадцать лет. Я служил тогда в пролаборате. Меня расквартировали у Шумяиных. Это была крепкая, дружная семья. Жили они спрнано, ели, не оглаживаясь. Старик Шумяиных как-то сказал мне:

— При вынужденной силе мы два пролабора заплатим да еще пять семей прокормим. А сила наша в прелле. Жадный да скредеый даханую землю перепаживает, а мы и вековой деревинны не боимся. Вот и берем сто пудов там, где другие и тридцати не нажидают.

Нужно сказать, что сторожильская деревенька Полянская, где жила Шумяиных, входила далеко от железной дороги, в Кузудинской степи. Земельных угодий было столько, что едва ли можно было освоить даже сотую часть пустынной прелле.

За лаской Шумяиных с меня не брали.

— Вот еще, Антоша, — говорил Шумяиных. — На пайке живешь. Ребятм книжки читаешь, сказки рассказываешь, да еще с тебя же плати брати...

Приводимые и другие доводы: — Сам человек свой хлаб в павоз перепадет, а тость — в хорошую молву.

И мне казалось, что добрее, приветливее и хлабосильнее Шумяиных трудно найти семью.

Когда же дело коснулось Саламаты и Тимофея, я увидела Шумилиных в вном свете.

Они все поднялись на дыбы.

— Как только совести у него хватало даже подумать, что Саламату за него замуж выдадут! — хитлялась мать.

А тот:

— За паузугой, что ли, ты, Саламата, будешь жить у него? Так ведь не болаха.

А дед Шумилин прискакал да прибавками сыпал:

— Наши дровни трагикомы рваные!.. Захота прыкак на цапма влезает, да ног кориток!..

И братья Саламаты тоже находили обидные для Тимофея слова, хотя и дружили с ним и вызвали его «коренным конем конянского тобуна». Это так и было: у Тимофея держался самый первый и единственное богатство Андрея Конянина — лошади.

Конянин, умный и деятельный мужик, нашел свой достояк на полукровных конях. Скрепясь с медками, высланными сибирскими доплатками правых породах коней, он добился немалых успехов. Я сам лично читал указание из Москвы, где говорилось, что «деятельство Конянина следует считать общественно полезной и перспективной». Потому Конянин, хотя и числился по наслыжке жеребцом, принадлежал к конной конюшне, обдавался умеренно. После всех ревизиций, мобилизаций и добровольных поставок у него осталось годов сор хороших коней. Забегая вперед, следует сказать, что умный Конянин вел себя по отношению к Тимофею держась в полку государства с тем, чтобы уредить настоящий конный завод при его участии. И это было сделано.

Короче говоря, об этом человеке у меня осталось в конце концов хорошее впечатление. К его чести следовало отнести и то, что он нескрывая жемла своего работника Тимофея назвать своим зятем. Но дочка Конянина Анфиса, выросшая без матери, уже в шестнадцать лет повела себя так шумно, что об этом брат и в дальних деревнях не знал.

Анфиса всеческими способами старалась привалять к себе Тимофея. Долго до того, что однажды она велела ему натереть ей дегтярной мазью пописуну. Сам Тимофей — «коренной конь Конянина» жемла Тимофею Саламате на вольности Анфисы. За осулашение сумасбродная девушка могла прогнать Тимофея. А с потерей места у Конянина Тимофей потерял бы и деревню Польшую, где он хоть держал, да мог выдаться с Саламатой и Анфисой в наеда, скляная, хорошо сложная девушка, с выпуклой грубоствотой в обращении с людьми, была нежнейшим существом. Умея отвачать братьям на мужскую брань мужской бранью, она вывзрало плакала, когда я рассказывала ей сказку о прине-Алгушке или о Золушке.

Ко мне Саламата, думаю я, относилась лучше, чем ко всем другим в доме. Она хозяйничала в моем садушке, приводила в порядок мое хозяйство, была, пожалуй, единственным человеком моего возраста, шарф, оловку. Она всегда сохранила для меня стачкины «первача», который бывал так дорог, когда я, промругував на стар моруах в дальних разъездах, возвращался домой.

Саламата не считала об мне свою любовь к Тимофею. Я ей бы нужен, как поперенный серда, как брат, понимающий ее и сочувствующий ей.

— Уж так-то я его люблю!.. Так-то люблю, что даже стыда не чувствую при нем. Сама люблю его. В губы, в глаза, в щеки и за ухом... Будто не кто-то, а я родила его давным-давно, а потом умерла, и стала я запую появилась на свет девкой — его суженой. Таких чудес даже в твоих сказках нет!..

Переводит, бывало, Саламату дачине, расхаживая со мной, стучившую переполаченную чубатую брань, и примется снова рассказывать:

— Моих братьев невестки тоже любят. Но любят они их вроде бы как для самих себя... А его я для него люблю. И скажи он мне: «Я с Анфисой Коняниной должен жениться, законное промерю, повенно и слова не скажу. Сичек наемиа, но болезнь дело подведу, чтобы совесть у него была чистой, а его счастливым на свете сделал... У Тимоши не только погоного слова нет, у него даже думы голу-

бинге. Где бы нигде хочется ему гнездо для меня свить, чтобы я деток да него выростала. Сх, и детки же будут у нас!.. — Саламата закрывает вдруг лицо и ни с того ни с сего забавляется смехом, начиная орать: «Моего вольца, а то и обинять меня, а потом обинять, а жет!.. Не раздритесь мне, океянной, еси я своего первого дитенка твоим именем не назову!»

— А еси девочка родитесь! — спросила как-то она.

— Ну и тот Антоиндой назову...

Когда любовь Саламаты и Тимоши стала очевидна Шумилиным и они увидели, что все это не обычные девчачьи пляски-триски, песенки да побаски, даля вранья-предубождения, а нечто большее, ни стали рисоваться неуверительные картины.

Тем более что Анфиса была живым примером.

Пусть Саламату неволь но даже отдаденно сравнивать с единственной и благовонной дочерью Конянина, но все же девушка с таким характером могла совершить и непоправимый поступок.

Потому на семейном совете Шумилиных решено было попросить Саламату не скакать ни на его святость, тихого, как Тимофей, так же стального и куда более красивого Матвея Алюковру, сына старой вдовы Алюковрихи. Принца поинятый, Саламата должна была войти молодой хозяйкой в алюковровскую семью, вест ни снох, ни другой родни. Пусть Алюковриха крута... Но и Саламата не поката. Найдет ко на камень — и узнают чужой друг другу. Сяобитесь, смиряясь. А как вину пооявится, чешаю себя мать да бабушку. А гласно, Матвей не пьянчик, не гуляка, не холмры, ни забияка. Разве можно придумать лучшего жениха для Саламаты?

А относительно Матвея даже в голову никому не приходило, что он при первой же встрече с Саламатой не лишится разума. И к этому было очевидной предосторожностью. Саламата црела так, что ее даже на базар вывозили с опаской. От воя не отходили. И не только парня да мужики, но и бабы, старухи, девки. Настоящая красота всех останавливала.

— Какое за столам меть Саламаты! — говорили привез Алюковру. В одной деревне девки росли, а замуж пописывалика, чуть не за двадцать верст одна от другой.

Шумилины подержали жемла Матвейю, а Матвейю подержали жемла Алюковру. Не завлекал тогда ты меня пацкой, быть бы ей Саламатиню матерю.

Семейный спектакль разыгрывался самым галаким образом.

— Она и без тебя родить не опадала. Чистого Муромца привнеса. Коня за передок подымает. Румяну-то у него на семь деревень хватят, да еще для пяти зинных сор останеться.

Саламата слушала и молчала. Я понимала, куда клонит ее разговор, но не считала возможной вмешиваться. Да и как можно было о чем-то говорить, не зная Матвея Алюковру! В жизни случалось, что невесты и в день свадьбы менялся свои решения.

В первый день масленицы Шумилины решили повести Алюковров, привезтая с собой Саламату.

— И-эх, как на гуесовой-то прокатилась! — сказала Шумилина. — Самой вожжи дам... Хотю намерть коней загони, слова не скажу. На ты и масленица!

Саламата на это ответила:

— Поехала бы, коли б Тимофею с Анфиской слова не даа конянинских полукровок промать.

Отец повтора приглашенно:

— С отцом-то да с матерью, подя, притоже поехать!..

А Саламата резонно возражала:

— В мои годы, калжис, притоже от отца с матерью подалеже быть... Я ведь не Анфиса, не одна дочь, за которую держатся, которой сыстна хотят!..

— Так-то, Антоша, скаднее будет, да и не замерзнет друг возле дружки! — сказала она.

Большая провалотница коньяка была грудавою и конянинскими. Такова была конянинская прихоть... Тимофей и Саламата сидели спиреди, а мы с Анфисой позади. Лошадк так быстро несли, что, несмотря на яркий солнечный день, можно было поморозить лицо. Снег и мороз! И я право же, не могу бы благодарности вспомнить об этом. Мне кажется, особенно теперь, спустя столько лет, что Анфиса была ничем не хуже многих других, даже Саламаты.

Мы возвращались в темноту и внаеале. Звезда тетка Анфисы был вознагражден не только блинами... Право же, мне очень приятно вспомнить этой ночью свистящий ветер, тающий запах снега на разгореченном лице Анфисы...

Когда Саламата и я вошли в шумилинский дом, масленичный пир только-только еще начался. Развращенная старуха Алюковра сидела в красном уяло рядом со стариком Шумилиным, надвигая колоду-кумачовую рубку, отчетливо запоминая робкую и восторженную Анфису. Муж был, этому помогло и свет салных свечей, которые отаивала в самодельной форме старшая сноха Шумилиных.

Я не собираюсь долго задерживать ваше внимание на свете свечей, но все же мне хотелось заметить, что живая огонь придает лицам более яркости и, как мне кажется, подлинней их цвет. Матвей Алюковру, сидевший рядом с матерью, показав мне настоящим красавцем, при котором в русском просторичии принято говорить «шпилю»! Он и в самом деле выглядела прекрасной белой кистью и бравыми красками. Далеко было до него красивому Тимофею.

Матвей, вичуть не красуясь, не стремился показывать себя, ослепла своей красотой, так что шумилины даже не отворачивались, глядя на него, как на солнце. Они опускали глаза, словно боясь, что из их мужья, а того хуже — сверкнула, прочтут изумление, а лучше сказать, любовные лином Матвей.

— Заруби, заруби! — кричала Анфиса, подымаясь. — Вот в такой дубовой вымахал.

Саламата, видимо, не ожидая увидеть его таким, непринужденно сказала:

— А я думала, ты ослепла ослобой вымахавшей, а ты... Ева...

Резкая радостной, одобривший хотел Алюковру, жемла отплатить комплиментом за комплимент, сказала:

— И ты, Саламатушка, за эти три годика дорогим калачом выпекалась. Подставь-ка поноу. Я тебе на нее повешу, чтобы ты хоту. У катеринбургских мещончиков выменяла, да для кого, не знала.

Алюковра поехала в карман широкой суконой юбки и вытараила оттуда тяжелые махляковые бусы.

— А отмарить чья я буду? — спросила Саламата, алюбус бусами.

— Да что мы, конянинской породы, что ли, кажную бездумую считать... Носи, коли пригласившись. Твой отец мне тоже без отара бусы подарил. Не такжя, скажам, а помечай. Вот и не пертуривай они меня в его сторону.

Ониг посылывал смех. Мать Саламаты склала положеие и привалясь им быт мужа.

— Ах ты, жь тыт переязь, эи бусы яловла, а меня даже медом-медом не одарила, давай она одарила! — тентичек бесесовный!

Захотела старик Шумилин. Алюковриха чуть не подавилась блином. Матвей хохотал в ладоши и смеялся по-детски званиясто.

Саламата, забавлявшись Матвеем, шепнула мне:

— Скажи на милость, сколько одному человеку!.. Наверно, он и сам этого не знает...

Пока отец Саламаты общал Шумилиной в прочнее воскресенье на коленах вымолишь свои грехи, вонла Анфиса.

Тут я бы попросила вас слушать как можно внимательнее.

Анфиса вошла в розовый широкий кофе и в шелковой пушистой юбке, отпавившей лиловым и зеленым. Ее туяга золотистая аршинная коса была перенута через деве плечо. Саламата пошла ко ламу, она привалясь всеобщее внимание.

Она подала подворку тебе по руку валеж, при помощи которого катула бале.— И-то способнее будет тебе извучить меня...

Отец оторопел. Шумидина запритагла, заголосила на всю горнину. Ее слезы мало тронули Саламату. Видимо, она, решив для себя все, готова была ко всяким неожиданностям.

— Другая бы мать радовалась, а не обмыла солеными слезами, как покойницу, свою дочь, которая хочет жить своей горой.

— То-то, что горой,— взвела мать,— а не домом! Как звери. Сходом. Как...

«Как Афиписа»,— видимо, хотела она сказать, да не сказала.

Андриса до того припала теперь по нраву Ляпокуровой, что та даже запретила ей подыматься вместе с собой. Старуха старалась сама управлять утром со скотом и на кухне. Видимо, чистая, открытая Афиписа душа стоила больше ее опыта...

Поговорив так утром, Саламата понамени сходила вместе с нею к Андрею Степановичу Конягину. Ей хотелось поговорить с ним при третьем человеке. И разговор она повела так:

— Андрей Степанович, хотела бы я узнать, заслужа ли мой суженый Тимофей, у тебя пусык хоть не подворковому, а самого задулолого коняка.

— Значит, и он тоже... это самое? — неопределенно спросила Конягина.

— И это и самое,— подтвердила Саламата. — А отец как? Что братый? — задала второй, более определенный вопрос Конягина.

— Шумку девичьи отдали... Да вот лопату еще...

— А где вы жить будете? — И, не дожидаясь ответа, предложила: — Живите у меня. Все горницы пусты.

— Нет,— сказала Саламата,— хватит с меня, что батрака полюбила, а жить хочу за хозяином.

Конягина пожевал бороду, подавала, а потом спросила:

— А над чем он хозяином-то будет?

— И Саламата ответила:

— Над своими, над моими руками.

— Ну, что ж,— сказала Конягина,— хорошо, что у нового человека присмотрел. Будто знал.

Он поднался с лавки, позвал Тимофея и независимо сказал ему:

— Сера-то подворковка тебе, пожалуй, лучше, чем конь, подойдет. Как-никак жеребета пойдут. Возьми ее вместе с палком на железном ходу. Плат тоже можешь взять. Сбрую выбери, которую совость подождаст. А там видно будет. Зерно, заработковое тобой, возьмишь, когда будет куда сыпать. Мошкон у меня нет. Чистое горе стало с мешками,— обратился он ко мне, как будто шел разговор о самом обыденном.

— Как же это? Куда же мы денемся-то? — спросила Саламату растерявший Тимофей.

— Зверь не спрашивает у споев возлюбленной, где он будет жить. Роег нури — и все. А мы разве хуже тех же корсаков? Запрягаю свою серую, Тимофей... Дорогу я тебе укажу...

Проводил нас, Антоса, за дружку и за подворку...

ку самую самую разлазбеную — сказала мне Саламату, садясь на телегу. — Все-таки на свадьбу похоже будет.

И на виду всей деревни, праздных ротоцев и сочувствующих добрых людей, сереная подворковка вынесла нас в степь. Мы отехали не более двух или трех верст. Саламата показала, куда нужно свернуть и где остановиться.

Это была маленькая березовая рощица на пригорке.

— Здесь мы и будем с тобой жить, Тимоша. Сказав так, Саламата взяла лопату и принялась рыть сию землю...

Чтобы не затягивать рассказ, я минуя двести немалых упорных, муть не круглосуточных трудов Саламаты, Тимофея и отчасти моих.

Углубившись на пол-аршина в грунт, молодцы стали возводить стены из пластин целинной дерюгины. Из Польминой то и дело приходил парни и девушки, больше парами, чтобы помочь подняться Саламатиной пластине. Кто-то принес и безымянно оставил топор. Принесли две рамы и двери. Начиналась пахота, но молодые люди находили час, чтобы помочь Тимофею и Саламате.

Пластину перекупили березовой матицей, мелким березняком и настала поперх в два ряда дерюгину, промазан ее коровьяком, смешанным с глиной.

Когда подошли глиняные стены, Саламата сама побоевала свое жилище. Не давалась печь. Ее никогда не приходилось бить из глины Тимофею. Но что не сделает человеческого желье, выше и сильнее которого, наверно, нет ничего на свете!

Приледел старик чепчик лет восьмидесяти, еле передвигавший ноги. Он указывал, как надо бить глину, а Тимофей, не жалея рук, возводил очаг своего жилища.

Настал день, и в Польминой сказала:

— Задельма Саламата! Домом зажгла!

На первый день повился с коровой и дед Саламаты. Он молча привезла корову к колу и сказала:

— А я, Саламатушка, про тебя худого слова не говаривала и Тимофея не хаяла.

Не скоро дошла слауха о перемене жизни Саламаты до Афиписа. Она об этом узнала после того, как молодые взошли на подвотной Тимофеем целине дали веселую землю, когда у приведенной дедом коровы повилась своей капышневой заступкой. Афиписа примчалась на двухколесной легковозке вместе с Матвеем. Похвойски зорко оба осмотрели маленькое хозяйство Саламаты.

Через неделю, а то и раньше задулохлани первые куры на еще не огороженном дворе Саламаты и повилась овцы.

Теперь уже Шумидины нельзя было дальше выдерживать характер. Все, будто створился, помогли молодоженам. И потекла слауха о скверности Шумидина. И ему теперь было не до самоволья. Приехал он с матерью. Саламата боялась этой встрече. Боялась, что отец может обидеть Тимофея. А и напрасно.

Шумидин при всех его «строптивости» был

человеком широким, ширарым и прямым. И он, до того как подорваться с дочерью, сказал:

— Прости меня, Тимофей Иванович! Давно живу, да не так жизнь вижу... А потом, обратившись к Саламате, сказал: — А у дочери я уж не буду прощения просить. Она у меня и без того жадоставля. Сама прости.

И все обошлось хорошо. Подоспевшие братья чинно, спокойно обсудили положение и выдвинули список равную долю.

Теперь пластинка могла остаться легкой кухни, какие обычно бывають при всяком старожельном доме. Теперь у Саламаты повилась все возможности подумать об избе.

Новый двор на отшибе от Польминой получила имя «Саламатиная зайка», а для критически занюку стали называть просто «Саламата».

В наши дни именем Саламаты называется довольно большая деревня. Она поповилась составными парами, которая, как и Тимофей с Саламатой, по тем или иным причинам не могли соединиться и жить своей семьей под родительским кровом.

— Про таких хороши: — И теперь больше ничего не остается, как искать Саламатиную свисту.

И они находили это счастье...

Когда я кончил рассказывать, мой школьный товарищ посмотрел на свою дочь Светлану, потом на Володю, сказал:

— Вот это люди! Не то что... — тут он явно изменил конец фразы, — я с моей благоверной.

Светлана, вздохнув, сказала:

— Между прочим, мое имя начивается на ту же букву, что и Саламата... И той же буквой кончается...

Вскоре мы разошлись по домам.

Через неделю мне повилана Светлана. Она сказала:

— Спасибо вам! Мы уезжаем с Володей в Куаунду... степь строить свою «Саламату»...

Полтора спустя я получила письмо из нового совхоза, выросшего в тридцати верстах от Польминой. Письмо было написано твердым, мужским почерком. Но принадлежало он Светлане.

«...Вы только представьте себе: наш совхоз находится в тридцати километрах от деревни Саламаты. Я об этом Володею тому назад узнала совершенно случайно. Мы с Володей на другой же день поехали в Саламату, и я нашла ту, чьим именем названа деревня. И я разговаривала с той, которую вы знали молодой и красивой девушкой. Сейчас ей уже за пятьдесят. Ее старший сын называет Антоном.

Так же, Антоном, зовут и другого человека, Антона Матвеевича, которому теперь тоже больше тридцати. Говорят, что он страшно полюбил на своего отца, Матвея Ляпокурова...»

Я бы не буду приводить всего письма, а лишь скажу, заключивая эту историю, что а день рождения Светланы я даже не мог и подумать, что рассказ мой поучит такое радостное продолжение, что на старых хороших Саламатиных дрожжах подымается новое, молодое целинное тесто...

СЛЕД ОБОРВАЛСЯ У ПРОПАСТИ...

В эти дни в столице Абхазии идут беглые, синие, розовые концерты с адресом: «Грузовая автотранспортная контора, Чхендзе, Щербакова».

Чем прославился скромные шоферы Николай Щербков и Дмитрий Чхендзе, чем вызваны эти письма в Сухуми?

...Внизу, на побережье, термометр показывает плюс двадцать пять, а вверху, в Абхазской Славенке, полудят по скалам седые облака, идет густой снег, бесчинствуют холодные ветры. Но ни днем, ни ночью не прекращается связь с отдаленными селениями, с высокогорными лесозаготовительными пунктами. Колоннами и в одиночку пробиваются по трудным путям грузовики. Они переваливаются меторопано, пробивая фардами снежную плетку и мглыстые туманы.

Однажды, двигаясь по узкой гололозерной дороге, шофер Дмитрий Чхендзе вдруг замечает, что следом след провалился вперед автомашини обрывается прямо у пропасти. Резко затормозил, он вышел из кабины, внизу ревел горный поток, армянские колеса слабого голоса издавал. Дмитрий прислушался. Из черноты явственно доносились звуки. «Там люди! — с ужасом подумал водитель. — Машина сорвалась с обрыва...»

Бывалый воин-танкист, в прошлом участник обороны Ленинграда, переживший все ужасы блокады, он знал цену товарищеской выручки. Но как спуститься в ущелье? Все, чем он располагал, — лопата и цепки... Неожиданно на дороге послышался шум второго мотора. Через минуту у обрыва остановилась еще одна автомашини. Дмитрия начал его друг Николай Щербков.

Не раздумывая, оба шофера начали спускаться в пропасть. Из-под ног сыпались камни. Уступы скал и колочий кустарник раздирали кожу. Но они упорно продолжали опасный путь. У самой крошки бурлящего потока, раскинув беспомощно руки, лежал юноша. Звала его на себя, Чхендзе с трудом стал карабкаться вверх. Парень стонал, истекая кровью.

— Там, в пропасти, еще десять туристов, — прошептал он. — Машина опрокинулась...

Когда Чхендзе уложил раненого на брезент, из пропасти доносился глухой шум. Под ногом Николая Щербкова оборвался камень, и шофер скатился вниз. «Николай! Наверняка ранен», — подумал Дмитрий.

Спускался вторично, он сильно расскел лицо. Но через полчаса уже карабкался к дороге, неся на плечах убитого раненого жончечку. Еще девять яреисов туда и

— И что особенного мы сделали! — улыбается Дмитрий Чхендзе (справа), читая письмо, которое написал друзьями совсем неизвестным человеком. — Он бы на нашем месте сделал, наверное, то же самое.

Фото С. Короткова.

обратно совершил отважный шофер, пока все едотные км из пропасти люди не были уложены в кузов автомобиля.

Скорее в больницу! Раненым нужна срочная помощь! Но там, внизу, Николай, сейчас же трогай! — послышался глухой голос из ущелья. — Я выберу. Спасай людей...

И Дмитрий поехал. Напряженно взглядываясь в чужую скользящую дорогу, он гнал машину к ближайшему населенному пункту.

А Николай? Слова при падении ногу, он все же выбрался из пропасти и, приковыляв к своей машине, последовал за Дмитрием...

«Дорогие товарищи! Морки Кронштадта гордятся вашим мужественным подвигом, — говорится в одном из писем на имя Чхендзе и Щербкова. — Вы поступили, как настоящие герои. Только так могут поступить люди, готовые пожертвовать собой ради спасения человека...»

Самое примечательное в этой истории, что ни Дмитрий, ни Николай, не рассказали на базу, никому не рассказали о своем подвиге. О случае в горах узнали лишь после того, как Щербков лег в больницу, чтобы вылечить ногу.

Г. ОСИПОВ

г. Сухуми.

ПАМЯТНИК БЕССТРАШНОМУ

В нашем городе воздвигнут памятник герою-комсомольцу Анатолию Бредову, и мне очень хочется, чтобы о его подвиге узнала молодежь всей страны.

Это было в октябре 1944 года. Во время ожесточенного боя в районе Печенги пулеметчик Анатолий Бредов вел огонь по врагу. Фашисты обнаруживая огневую точку и начали обстреливать ее из орудия и минометов. Затем гитлеровцы обрушили советского воина, пытались захватить его в плен. Но Анатолий решил не сдаваться врагу. Когда фашисты уже были совсем близко, отважный боец с размаху ударил противотанковой гранатой о камень. Несколько гитлеровцев упали замертво, но при этом погиб и сам Анатолий Бредов...

Родина высоко оценила подвиг своего верного сына. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему

посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Памятник герою-земляку сооружен на средства, собранные комсомольцами и молодежью нашего города.

В. ФЕДОТОВ
г. Мурманск.

ЗА ПРИЛАВОК И НА СЦЕНЕ

Борис Синицников... Это имя известно многим любителям хореографического искусства нашего города. Борис Синицников с успехом выступал в ленинградских Дворцах культуры и на сцене Большого и Ирмелевского театров в Москве. Им созданы замечательные образы в балетах «Щелгунок», «Наманный цветок», в музыкально-танцевальной опере «Васня».

Многие видели его на сцене и горло аплодировали ему. Но мало кто знает, что Борис Синицников не профессиональный артист, что он работает продавцом в известном отделе одного из продовольственных магазинов Ленинграда.

Десять лет назад юноша окончил с отличием школу торгового ученичества и получил специальность продавца. Он по-настоящему полюбил эту работу, требующую помимо больших профессиональных навыков и умения внимательно выслушивать

каждого покупателя, выполнять его просьбы.

Как же Борис Синицников пришел в искусство, ставшее его вторым призванием? Все началось с того дня, когда он стал посещать всеведущий хореографический театр-студию Дворца культуры имени А. М. Горького. Любовь к балетному искусству и напряженный труд принесли свои плоды. Борис Синицников горно аплодировали ленинградские и московские зрители. Его незаурядный талант по достоинству оценили и в Германской Демократической Республике и в народной Венгрии...

В зале галереи свет. Под звуки увертюры медленно двигаются занавес, и на сцену легко и грациозно выбегает юноша. Зал встречает его дружными рукоплесканиями. Танцует Борис Синицников...

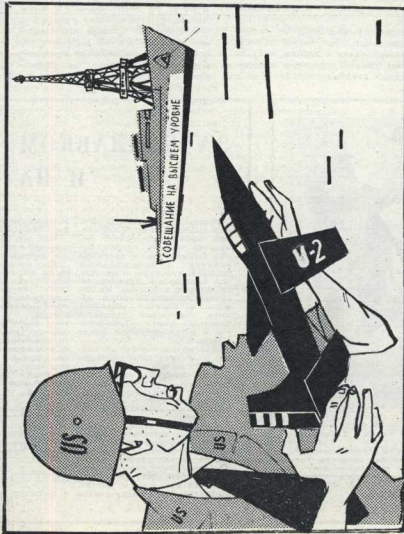
В. ВОЙРИНСКИЙ
Фото автора.

г. Ленинград.

Выходит
один раз в месяц.
№ 2
Год издания 1-й.

АМЕРИКАНСКИЕ АГРЕССОРЫ ТОРПЕДИРУЮТ СОВЕЩАНИЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ.

Песня, которую поют в Берлине

«ЭТО НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!» — ГОВОРЯТ МОЛОДЫЕ НЕМЦЫ

Несколько дней корреспонденты нашего журнала путешествовали по стране между Эльбой и Одером, поглядывая в прошлое и приставляя которой судябу в собственные руки. Патла. Дать лет прошло с тех пор, как Советская Армия на территории этой страны повоевала с войском в Европе. В этот день в 1945 году вышло постановление Германии, которые знают о войне лишь из литературы и из рассказов. Восточная Германия, которая была в составе Западной Германии, очень много говорит о новой войне, главным образом против Советского Союза. Они говорят, что в воздухе по этому поводу — слышатся шаги нацистской юности и девушек.

Судиме наводный раз назо- дились сообщения о г- фронтан. Стоит прино- это время никогда бол- ше не повторилось. Я не могу сказать, что это место ви этого дробь...

БЕРЛИН

Карл-Хейнк Магис ра- ботает разносчиком теле- визионных передач. Ему 23 лет. Услышав наш вопрос, он немного задумался. «Среди множества телевизоров, большинство содержит хорошие новости. А в Берлине, где мы живем, мы живем со страхом. В это

Петерс Хельмут, учитель одной из средних школ Берлина, сказал нам, что он хочет воспитывать детей, которые не будут похожи на тех, которые он мальчиком испытал сам. «Чтобы воспитать в Берлине поколение, которое не будет похоже на поколение Веймарской республики, необходимо создать, наконец, в этом году за предположением Н. С. Трумэна — обеспечить Западную Германию оружием, чтобы она могла заключить мирный договор с остальными германскими государствами».

Хорсту Шуманну 51 год, он, так сказать, представитель старшего поколения. Он работает в Берлине несколько лет. Хорст Шуманн работает в магазине «Атаче» недалеко от Дрездена. На вопрос о том, как он относится к вопросу о том, чтобы вернуть Германию, он ответил очень кратко: «Я думаю, что это не хорошо, и я думаю, что это не хорошо, с точки зрения интересов Германии». Он живет в Берлине, в районе Шпандау, недалеко от реки Гатте. Он говорит, что он не хочет, чтобы Германия была разделена, и он не хочет, чтобы Германия была разделена. Он говорит, что он не хочет, чтобы Германия была разделена, и он не хочет, чтобы Германия была разделена.

С Узулой Эрикс, ассистенткой в Берлине. Она работает в Берлине, в районе Шпандау. Она говорит, что она не хочет, чтобы Германия была разделена, и она не хочет, чтобы Германия была разделена. Она говорит, что она не хочет, чтобы Германия была разделена, и она не хочет, чтобы Германия была разделена.

Симми товарищам, и мне больше и больше убежи. Берлинский мирный договор должен быть заключен в той стране, на которую в настоящее время. Телерадиокомитет Берлина, который был создан в Берлине, должен быть создан в Берлине, и он должен быть создан в Берлине.

Манфред Риктер, которому...

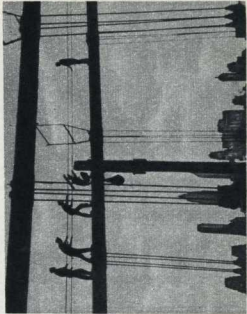
Тонет К. ХУЙБЕРГА. Фото М. Муразова.

В Петербурге, центре текстильной промышленности...

Эту фотографию американцы в Америке считали...

Пламя борьбы над Южной Кореей

И в этот день пламя, над багряными туманами...

В озвученную полицию пришел Пак Ги Су, на...

— Ты, парень, с ума сошел? Нет, я в здравом уме...

Сообщая об этом случае, сеульские газеты...

Корейский газетчик Канг Сиукну, редактор...

Победа! И вот настал день, когда переменилась...

Народ борется, народ победил! А. ФЕДУТОВ

Юл. СЕМЕНОВ. специальный корреспондент «Советского мастера».

В Англии не ощущается недостатка в оригиналах...

Да, в нашем журнале открывается «Клуб знаменитых капитанов».

Причем не морских капитанов, прославившихся своими приключениями и открытиями, а капитанов спортивных — тех, кому дана была право власти командой на трудный спортивный подвиг и руководить ею во время соревнований. Это право очень почетно! Оно предоставляется лучшим из лучших — спортсменам умелым, выдержанным, беззаветно преданным интересам коллектива.

Кто же из спортивных капитанов может стать членом нашего «Клуба знаменитых капитанов»? На страницах журнала! Конечно, самым знаменитым — капитаном сборных команд Советского Союза.

Это они возглавляли делегацию советских спортсменов в интереснейших спортивных баталиях! Это

они поднимались на пьедесталы почести крупнейшей чемпионаты и олимпиады! Их есть о чем рассказать: о любимом виде спорта, о своем спортивном пути, о друзьях по команде, которые вместе с ними, плечом к плечу отстаивали славу советского спорта.

Право первым предоставлять одному из самых выдающихся современных спортсменов, трехкратному чемпиону мира, бессменному капитану команды СССР по современному лыжному спорту Игорю Новикову. Он рассказывает о пока еще малоизвестном у нас, но необычайно увлекательном виде спорта — и то, чего не о виде спорта, а о комплексе, соединяющем в себе пять видов спорта.

Итак, сегодня на повестке дня «Клуба знаменитых капитанов» разговор о современном пятиборье...

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ВОСЕМЬ ЛЕТ

Мальчишкой я восхищался героями любимых книг. Они оставили в моей памяти незабываемый след. Я воображал себя отважным путешественником, ковбоем, д'Артаньяном. И тогда вокруг совершались чудесные превращения. Темный сарай становился королевским дворцом, полым тайн и интриг, распрямленный обруч от бочки — холодным малом клинком, а рыжий сосед по прозвищу «Ржавый» — коварным герцогом Букингемским.

Но прошли годы... Сарай снесли, обруч давил в утиль. Рыжий герцог вырос и ушел неизвестно куда. Книги детства уступили место техническим справочникам и словарям. И все-таки я не расстался с романтикой. Я увлекался спортом. Перепробовал все: плавание, футбол, легкую атлетику, водное поло. Наконец, современное пятиборье.

И ожили мечты детства... Жизнь помеслась, замесляла, как в тиганском калейдоскопе. Поражение, упорство, граничащее с фанатизмом, первое неповторимое ощущение победы, товарищ по команде и страны чуть ли не всего мира. Последняя из них — США, штат Пенсильвания, город Херши.

...В Херши мы снова боролись за победу. Я, Николай Татаринцов и Александр Тарасов.

В первый же день соревнований нам не повезло. По жребию лучшие лошади достались американ-

цам, венграм и финнам. Худшие — нам. Сначала стартовал Тарасов. Затем я. Три с половиной километра, двадцать препятствий. Мы сделали все, что могли. Но этого было мало. Соревник усталось больше. Правда, оставалось еще Татаринцов. Слово в нашьему клинку его лошади была «Последний шанс». Последний шанс на командную победу в конном кроссе.

Мы видели, как Татаринцов взял старт. Одно за другим оставались позади препятствия. Все, казалось, шло хорошо. Поворот, спуск, подъем, снова поворот. Барьер! На самом повороте... Шпоры! Хлест! Поздно... Лошадь встала.

Даньше мы уже знали, что будет. Каждый из нас хоть однажды испытал такое... Азарт владеет всадником безраздельно. Приди на секунду трезвость рассудка — и станет страшно от бешеной скорости, прыжков и препятствий. Лошадь сразу почувствует это. И тогда конец: ей тоже будет страшно, как и человеку.

После неудачи азарт будто возводится в квадрат. Ты знаешь, что потерял время, потерял драгоценные очки. Стремиться во что бы то ни стало наверстать упущенное. Это неизбежно. Спорт есть спорт. Каждый хочет победить. И ты сознательно идешь на риск — гонишь и гонишь лошадей.

Татаринцову на этот раз счастье

изменило. За ним кто-то бежал, кричал: «Не гони!» Он не слышал. Он торопился. Лошадь задевала препятствия. Последние она даже не пыталась взять — врезалась в него грудью и перерывалась через голову. Татаринцов вылетел из седла, больно ударился о твердую землю. Теряя сознание, дернулся в сторону от вальтирующей на него разгоряченного чужой лошади. Его подхватили чьи-то руки, поставили на ноги и усадили в седло.

Так он финишировал. А к нему уже бежали американцы, протягивали блокноты. Каждый хотел взять автограф у человека, которому не повезло.

Итак, после первого дня американцы оказались впереди. Во второй раз лишь немного сократили разрыв. Нельзя сказать, что второй день был для нас более легким. Мы фехтовали 15 часов подряд. У Татаринцова ныло плечо. Он еле двигался. Единственное, чем мы могли помочь ему — это своим победою. Но и Тарасов поначалу выступал неудачно, проигрывал бой за боем. И вот, когда положение стало критическим, Саша решил атаковать «стрелой» — в молниеносном броске. После каждой атаки он падал — так они были стремительны. Но оставшиеся бой все-таки выиграл.

На стрельбу ехали в автобусе. Стрельба — это борьба нервов. Двадцать выстрелов. Три секунды

на жанди. Двадцать раз поднимается рука, двадцать раз ладцы одинаково быстро и мягко нажимают курок. Одна ошибка, одно неверное движение — и то, чего ты добился в первые два дня, идет насмарку.

Ехали молча. Только наш старый друг, ветеран финской команды Кархонен, болтал без умолку, рассказывая, как однажды забыл заехать на соревнования свою знаменитую шапку, сшитую из шерстяного чулка жены. Он никогда не расставался с ней. Она принесла ему счастье — Кархонен был уверен в этом. И вдруг — был. Только в Мельбурне вспомнил о шапке. Дал телеграмму домой. И знаменитая шапка проделала огромный путь. Она пролетела в барандеро от Финляндии до Австралии. Все летчики знали, что vezet талисман пятиборца Кархонену. В первый день соревнований он его подложил... И знала тогда призовое молча.

Кархонен и сейчас сидел в своей шапке, светящейся бесчисленным множеством дыр. Все смеялись. Смеялись и мы, хотя мысли были заняты предстоящей борьбой, трудными сватками в оставшихся трех видах: стрельбе, плаванию и беге.

Стрельба стала последним днем успехов американцев. Все ночью на световом табло в центре горда горели цифры — результаты чем-

лионата. Американцы шли вперед. А на следующее утро шифры победы. После плавания, когда мы вышли наконец на первое место, косяк командной борьбы был предрешен. Оставался только бег, в котором мы всегда побеждали соперников. Как писали журналисты, для нас это была уже пустая формальность, небрежный росчерк под достигнутым.

Правда, в личном первенстве спор продолжался — между мной и венгров. Бальцо. Он дважды выигрывал у меня бег на чемпионате мира в Олдершоте и у себя дома, в Венгрии. Оба раза чуть ли не по 30 секунд. Теперь я не имел права проиграть ни одной. Вечером все ушло на встречу со студентами в колледж. Я остался в отеле. Нужно отдохнуть, настроиться себя, собраться. Главное — твердо решить выиграть! Я лежал в большой комнате. Сколько раз я лежал вот так перед последним днем, зная, что завтра решится все! И каждый раз за стеной лежал другой человек, мой соперник, и думаю, наверное, точно о том же. Это тоже своего рода борьба. Она начинается задолго до старта и продолжается до самого финиша. И я выдержал все. Бальцо проиграл.

...Снова, в четвертый раз за восемь лет, поднялись мы на вершину пьедестала почета. Да-да, лишь восемь лет прошло с того дня, как мы впервые позвонили лис с современным пятиборьем. И за этот короткий срок уже четырежды наша команда становилась чемпионом мира. Четырежды! И три раза из этих четырех радом со мной стояли мои неизменные друзья по команде — Николай Татаринов и Александр Тарасов.

Почему именно они? Ведь у нас были и сейчас есть спортсмены, равные им по мастерству и более молодые по возрасту: П. Ракинтянский, Б. Пахомов, Х. Сельг, К. Лаге, И. Дерюгин. Особо хочется сказать об экс-чемпионе страны П. Ракинтянине.

Он феноменально талантлив. Я просто не нахожу иных слов для определения его спортивных качеств. Он здорово плавает: 300 метров за 4 минуты. Не уступает мне в стрельбе и конном кроссе. Блестяще фехтует. В 1957 году на чемпионате мира в Париже фехтовал даже за сборную команду страны. Бегит он также отлично — в свое время ему принадлежал очень высокий рекорд Краснодара в беге на 1000 метров. До сих пор Ракинтянский играет в баскетбол за клубную команду ЦСКА. Он, несомненно, способен Татаринова и Тарасова. И все-таки именно им, а не ему доверяют честь выступать на международных соревнованиях.

Указание место Ракинтянского — недостаток боевого духа. Дважды на крупных соревнованиях ситуация складывалась так, что перед последним упражнением — легковым атлетическим кроссом — я проигрывал ему более 100 очков. Поостав нас бежать рядом, я наверняка не выиграл бы ни метра. Но дважды по жребью я стартовал за них. Ракинтянского это крайне угнетало. И оба раза он мне в конце концов проиграл.

Да, пятиборцу недостаточно быть отлично физически развитым, сильным, быстрым, выносливым. Нужно быть еще и бойцом! Современное пятиборье — это единоборство. Волевая подготовка

здесь так же важна, как и спортивная. Конечно, бойцовский дух приходит вместе с опытом. И это, пожалуй, самый главный аргумент в пользу Татаринова и Тарасова. Причем настолько всякий, что с ним нельзя не считаться.

Конечно, опыт не приходит сразу. Нужно время. Каждый из нас членов сборной команды страны, может считать друг друга в некоторой степени своим учителем. Лично мне Тарасов преподавал однажды урок, который я запомнил на всю жизнь.

С большим отрывом после четырех дней я выигрывал товарищеские состязания в Венгрии. Оставался бег. Казалось, я был недосыпав. Все рассчитал, все проверил. Решил пробежать легко. Отдохнуть. И был жестоко наказан: Тарасов собрался, обошел меня и занял первое место.

С тех пор я гоню от себя мысль о легкой победе. Наоборот, готовлюсь к самому трудному, самому неожиданному. И когда уже нет противников, борюсь сам с собой. Стремлюсь проплыть или пробежать на секунду лучше, чем это делал прежде.

На старт выхожу, чтобы помериться силами. В этом романтика спорта. Я не терплю людей, которые, проигрывая, улыбаются. Этаким джентльменским жестом! Для меня он не пример спортивной этики. Я, проигрывая, злослюсь!

Я не случайно завел разговор об этом. Спорт не любит пикантства, позерства, натянутости. Спорт не любит несерьезного отношения, особенно если ты выступаешь в команде. Здесь каждая ошибка, каждая небрежность бьет не только тебя, но с равной силой и твоих товарищей. Забыл ли ты шиповали, опоздал ли на старт — любая мимолетная потеря спортивной бдительности может привести к серьезным, порой непоправимым последствиям.

На чемпионате мира в Стокгольме Татаринов из-за такой вот мелочи лишился серебряной медали и чуть-чуть не потерял бронзовую. Он на 40 секунд опоздал на старт. Тарасов нылел его в одной из раздевалок Королевского стадиона. Он отдыхал и рассчитывал свой старт по часам, которые висели на стене, а они отставали. Правда, в Стокгольме мы выигрывали с таким запасом, что Татаринов мог и не бежать. Но ведь это могло случиться и в более тяжелой для команды момент!

И такой момент, по-моему, наступает. Соотношение сил между нами и зарубежными пятиборцами постоянно меняется. Приведу цифры. В 1957 году мы имели преимущество перед командой, занявшей второе место, в 1 365 очков, в 1958-м — 1 122, в 1959-м — 515. Разрыв, как видите, сокращается. И нужно быть объективным: не потому, что мы устарили, стали слабее. Нет, значительно выросли наши соперники. В Стокгольме мы заняли все три первых места в личном зачете. Но уже в последующие годы пришлось потесниться на пьедестале почета, пропустив на второе место в 1958 году финна К. Линдана, а в 1959 году — венгра А. Балцо.

Все меньше остается у нас слабых соперников. Финляндия, Венгрия, Швеция, США — каждая из этих команд может оказаться на Олимпийских играх в Риме опаснейшим конкурентом. Поэтому мы готовимся к упорнейшей борьбе.

Фото А. Бочина.

КРАСНЫЙ С В Е Т НЕ ЗАГОРИТСЯ САМ

(Размышления о хоккейной славе)

«Весной о хоккее?» — спросит иной читатель. Да, как это ни странно, сейчас самое время всерьез поговорить о хоккее. И не только потому, что на истуканном льду только что закончился жарено хоккейные схватки на первенство страны.

Еще совсем недавно мы радовались успехам наших спортсменов на зимних олимпийских играх в Скво Вальди и одновременно глубоко переживали за хоккеистов. Именно переживали!.. Ведь этот последний хоккейный турнир оказался, пожалуй, наиболее неудачным для советской команды. Наши спортсмены не только не вернули утраченный ранее титул мирового чемпиона, но и добились приставку «экс» ко второму своему почетному званию — олимпийским победителей.

Да, наша хоккейная слава начала меркнуть...
Вспомним, как поразили всех

советские хоккеисты своим выходом на широкую международную арену. Это была поистине сенсация! Спортсмены нашей страны, неадапто к этому виду спорта, при первой же стычке с прославленными хоккеистами Канады, где хоккей насчитывает более чем вековую историю, взяли верх.

Последние турниры превратились по сути дела, в единоборство двух команд — Канады и СССР.

В 1956 году на олимпийских играх в Кортине д'Ампеццо наша сборная вновь превзошла канадцев, подвизавшись на самую высшую ступень пьедестала почета. Да и совсем недавно, в сезоне 1954 года, советские хоккеисты набрали с канадцами одинаковое количество очков и уступили им только из-за худшей разницы забитых и пропущенных шайб.

Так было на протяжении ряда лет.

И вот в Скво Вальди советские хоккеисты оказались третьими. Пропустили вперед не только канадцев, но и команду США, матч с которой до этого были для нас довольно несложным делом (достаточно сказать, что никогда прежде наша сборная не проигрывала американцам ни в официальных, ни в товарищеских встречах). А сложился олимпийские состязания чуть-чуть удивнее для шведских или же чехословацких спортсменов — и наша команда могла легко лишиться даже титула европейского чемпиона.

Кое-кто, конечно, попытается объяснить последнюю неудачу хоккеистов случайностью. Наверняка найдутся и такие, которые вспомнят при этом московский чемпионат мира 1957 года: мол, тогда тоже наши хоккеисты потеряли флажок, пропустив вперед команду Швеции, но это не означало, что шведский хоккей был более сильным, чем наш...

Что же, случайности в спорте бывают. Прогрессируют из-за промахов отдельных игроков или же просто из-за невезения. Так было и в 1957 году, когда сборная СССР, не потеряв ни одного поражения, все же не стала победительницей турнира.

а московской подгруппе, где выступили шесть ведущих коллективов страны, ни в коем мере себя не оправдали. Создания предвиделись в пять кругов. Но что это были за матчи? Они представляли какой-то интерес лишь на первых порах. Затем твердо определился отрыв наших от финнов, финландцев, и минимум половина встреч проводилась уже лишь для проформы: они не могли повлиять на турнирные положения команд.

Словом, прошедший сезон принес нам мало интересного. Новый календарь не привлек внимания к первенству страны, ибо уменьшил количество напряженных матчей на финишной стадии борьбы, когда официально разыгрывался титул чемпиона (эти встречи проводились по олимпийской системе). Наконец, главное: изменился значительно умный интерес периферийного хоккея, поставив большинство команд в такое положение, при которых немалым настоящим рост их мастерства.

Но, может быть, новый календарь помог лучше подготовиться нашим олимпийцам? И тут нам придется ответить отрицательно.

Еще перед началом сезона федерация хоккея заявила, что сборная будет составлена целиком из клубных троек. Сыгранность этих троек ставилась при этом на первый план. В принципе такой метод комплектования сборной сам собой верен. При нем и многокрупные отборочные игры понятны, ибо сами по себе они уже способствовали бы лучшей сыгранности хоккеистов сборной. Но в условиях нашего олимпийского дня этот принцип составления сборной оказался явно ошибочным.

И вот почему. У нас сейчас нет ни одной клубной тройки, о которой можно сказать без преувеличения: в ней нет слабых мест. Больше того, у нас всего несколько звеньев (к таким можно отнести армейцев В. Александрова — К. Локтева, спартаковцев В. Старшинова — Е. Майорова, железнодорожников В. Якушева — И. Сереткова), остро нуждающихся в замене лишь одного игрока выпадающего из ритма игры тройки хоккеиста.

И при таком положении дел в основу подготовки сборной положена работа с клубными тройками! К чему это привело, известно. В сборной вплоть до начала олимпийского дня не было сформирован состав троек. В итоге они выступили плохо, ни одна из троек не смогла сыграть в Скво Вальди в полную меру своих возможностей.

Федерация хоккея допустила, на наш взгляд, и еще один промах, не запланировав перед началом Олимпиады для сборной целого ряда встреч с равными соперниками. Молодые ребята сразу проявляют себя в ответственных соревнованиях. А в нашей команде на этот раз оказалось много молодых спортсменов. Тем не менее перед олимпиадой они провели тренировочные матчи только с командой Швеции. Встретившись затем с серьезнейшими соперниками из Канады и США, такие молодые хоккеисты, как А. Акимов и С. Петухов, ступившие и выступили неудачно. И этого надо было ожидать! Ведь то же самое случилось на

Однако в последней олимпийской неудаче скрыты, на наш взгляд, более глубокие причины, корни которых уходят в организацию хоккейных соревнований и в практику комплектования сборной команды страны.

Посмотрим вначале, каким был у нас нынешний хоккейный сезон.

Мы имеем сейчас немало команд. И неплохих. Не только в Москве, но и в Ленинграде, на Урале, в городах Поволжья и Сибири хоккей с шайбой завоевывает все большее признание. Наш хоккей в целом растет, мукает. Но увидели ли мы это в прошедшем сезоне? Нет. Федерация хоккея так составила календарь, что подвизавшиеся большинство периферийных команд ни разу не встретилось с ведущими московскими коллективами. А значит, и сезон прошел для них впустую: молодые коллективы не смогли приобрести опыта сильнейших, им был закрыт доступ к большому хоккею.

Да и предварительные встречи

преддущего перенате мира с И. Декоиским и Н. Снетковым. То же самое было не раз и в других молодых спортсменах.

Все сказанное упрощает в той или иной мере и наш хоккейный календарь. Однако не в нем одних все беда.

Вспомним, что характеризовало нашу команду в момент ее наивысших спортивных успехов. У нас были две пары молодых, опытных и самоотверженных защитников. Они могли выдерживать борьбу с любым самым мощным соперником. Были и три трюковых нападающих, сыгравших не неделями и месяцами, а многими годами. Тройки играли разнообразно, и в этом была их главная сила. Индивидуальная мощь первой тройки дополнялась быстротой и целеустремленностью второй и прекрасными комбинационными способностями третьей тройки. Причем сразу же отметим и еще одно отличительное свойство этой тройки. В котором пасалось и воронилось мало. Это качество — боевой дух, так необходимый в хоккее. Да, да, в каждой из этих троек был спортсмен, способный вести самоотверженную, волевою борьбу с защитниками. Е. Бабиц, Ю. Павтухова, Ю. Крылов — они олицетворяли собой настоящих хоккейных бойцов. И пусть в то время казалось, что стремительных проходов В. Ворбова, вклад Е. Бабица в успехи тройки В. Ворбова — В. Шувалова — Е. Бабица был не меньше, если не больше. Именно Е. Бабиц брал на себя всю тяжесть необходимой трудной силовой борьбы с защитниками противника.

Читатель, наверное, думает: к чему сейчас разговор о хоккеистах прошлого? Он важен. Он необходим, чтобы мы могли понять, к какому хоккею мы должны стремиться.

Нынешний тренер сборной команды страны А. Тарасов любит противопоставлять советский хоккей канадскому, прибегая при этом к громким фразам о необходимости отстоять традиции советской школы хоккея... Что же традиции — вещь хорошая! Мы тоже за традиции и манерный хоккей, которым так славился советские спортсмены. Но ведь не только в этом наши традиции. А необычайно разнообразная игра трюков нападающих? А умение хоккеистов в трудную минуту показать свой высокий индивидуальный класс? А настоящих игровых героев спортсменов? Разве это не традиции? Разве их не надо отстаивать с той же энергией и тем же энтузиазмом?

Мы же сейчас вынуждены, к сожалению, отметить другое. Игра нашей сборной с каждым годом становится все более односторонней.

Почему? Может быть, с этим не все согласны, но и тут comes открыто высказать свое мнение.

Прежде всего потому, что тренеры сами подчас убивают инициативу хоккеистов. Любое индивидуальное действие игрока, любое собственное решение хоккеиста волею или неволею осуждается старшим тренером. А как может играть, скажем, К. Локтич, если его заранее лишают самого лучшего «козыря» — умения индивидуально пройти к воротам соперника? Показатели в этом отношении такой низки.

На первенстве мира 1958 года в Осло наши хоккеисты были близки к победе. Они выиграли в той-то момент с 1:0. И вот в этот-то момент с поля почти одновременно были удалены двое наших игроков за то, что они попытались закрыть победу: пятеро наших хоккеистов играют целых полторы минуты против троих канадцев! Я не сомневаюсь, что, забей в это время наши хоккеисты, если бы заранее лишали их всех матчи.

Тройка, которую выставил тренер А. Тарасов, начала играть неудачно. И что же? Тренер тут же, сложив руки упрямом, закричал:

— Гурмыше — смена!

Гурмыше мгновенно бросил шабду в сторону и побежал «заменяться». Через секунду снова послышался голос тренера:

— Хлыстов — смена!

Теперь, отбросив шабду, направился к скамье запасных другой нападающий...

Словом, в этот решающий момент составили наши хоккеисты не создали игровых воротам канадцев. Они больше времени «проамаялись», чем атаковали. И повинен в этом прежде всего тренер. Причин он предпочел мыслить самостоятельно, самим отвечать за свои действия на поле — и они могли бы ту же замену провести внешне экономнее, нарушив, например, правила при входе в зону противника (это же понятно каждому начинающему хоккеисту!).

Нечто подобное произошло и в матче СОСР — США на Олимпийских играх в Скво Вэлли. Здесь «непререкаемый» авторитет тренера стоил команде гола. Причем гол этот везе решающий класом в ход всей игры. Как рассказывают хоккеисты, А. Тарасов снова в самый решающий момент подкинул реиния провозвести замену... И пока трюки «заменялись», американские спортсмены

забили ответный гол. Счет стал 2 : 2, инициатива оказалась упущенной. Вопреки своему духу соперник добился затем драконой победы...

Нет, обстановка в сборной не располагает хоккеистов к творчеству и игровой инициативе. Они слишком нервозно. Игроки думают больше не о том, как лучше сыграть, а лишь о том, как бы угодить тренеру. И это давит на команду тяжелым бременем и в конце концов отражается на ее выступлениях.

Не блещет в последнее время сборной и техническая подготовка хоккеистов и разнообразием тактики.

В Скво Вэлли все специалисты в один голос отмечали, что советская команда никогда не выглядела столь беспомощной в техническом отношении. Тренеры на этот упрек могут ответить, что в сборной, мол, не время работать над техникой... Но ведь сборная состояла в основном из игроков ЦСКА и «Крыльев Советов». А тренеры сборной одновременно и тренеры этих клубов!

В отличие же мы, по мнению специалистов, отстаем сейчас не только от хоккеистов Канады и США, но даже от шведов. Тактика сборной по-прежнему строится в расчете на то, что наши хоккеисты превосходят соперника в скорости. Но ведь этого превосходства, по существу, нет. Любым в этом отношении замечание американского тренера Рейди. Он прямо сказал, что советские хоккеисты много терпят оттого, что в ходе состязания все время стремятся избавиться от шабды. Это очень верно! Как ни хороша коллективная игра, она только ухудшится, если в команде будут спортсмены, способные самостоятельно решать сложнейшие задачи. Наши же тренеры как будто даже боятся появления таких хоккеистов.

Во всяком случае, они ничего не делают, чтобы воспитать в команде новых Ворбых, то есть игроков большой индивидуальной мощи.

Наконец, пожалуй, самое важное. Благодаря чему победили в Скво Вэлли хоккеисты США? Прежде всего благодаря своей самоотверженности. В матче с канадцами американцы большую часть времени сражались от атак соперников. Они груду встречали нападающих, телами защищали ворота. И победили! Да, в современном хоккее просто немалыми успехи без игрового героизма всех хоккеистов команды!

Мы же и в этом отношении в лучшем случае стоим на месте.

Помните, после матча нашей команды с канадцами в Праге к нашим хоккеистам подошел известный американский нападающий Ч. Кларк и сказал:

— Вы играли так, будто хотели, чтобы красный свет над вражескими воротами загорался сам по себе. А этого не бывает!..

Блбиды, но справедливый упрек. Очень жаль, что руководство нашего хоккея своевременно не сделало из него нужных выводов.

Да, наша хоккейная слава начала меркнуть. Чтобы она заблестала с прежней силой, нужны срочные меры.

Прежде всего необходимо полноценный спортивный календарь, который помог бы росту класса всех советских команд. Вероятнее всего, это будет первенство, размагнута в несколько кругов между 8—10 сильнейшими коллективами (но, конечно, без никому не нужных отборочных встреч).

Во-вторых, нужно серьезнее отнестись и к подготовке сборной команды. Тут в первую очередь должен встать вопрос о тренерах сборной. Конечно, у А. Тарасова и В. Егорова, да и бывшего тренера сборной А. Чернышева есть свои достоинства и свои недостатки. Но рассматривать этот вопрос следует иначе.

Сборная команда находится сейчас в таком состоянии, что с ней, как говорится, непочтатый край работы. Только начався подбор молодых нападающих. На повесте дня и новая проблема: готовить достойную замену опытным защитникам, которые вот-вот сойдут с большой спортивной арены... И возлагать эту огромную работу должен человек, свободный от всякой клубной деятельности.

Да, да, нам кажется неправильным, если и вводить спортивную команду будет готовить один из тренеров клубных коллективов. Все-таки главная его работа — победа клубов в чемпионате страны. Клубные интересы дают на взгляды и действия такого тренера, он невольно смотрит на сборную со своей клубной колокольни!

***

Вот какие мысли навевают неудачное выступление наших хоккеистов на зимних Олимпийских играх в Скво Вэлли...

Поражения должны учить. Что ж, будем надеяться, что хоккейная федерация внимательно разберется в причинах неудачи. Разберется и в дальнейшем не будет повторять допущенных ошибок.

В. ФРОЛОВ

Приключения начинающего туриста

Рисунки В. И. Г. Каравасевых

МАРСЕЛО САЛИНАС,
кубинский писатель

Рисунок О. Кудряшов.

ДЕТИ СЕРЖАНТА БЕЛАФОНТЕ

Рассказ о революции

Сержант Даниэль Белафонте приехал домой.
— Эулалия, где ты? — закричал Даниэль. — Что за чертова жизнь, бог мой!
Из кухни вышла Эулалия, жена Даниэля.

— Приехала, наконец, — сказала она. — Прямо с дороги?
— С дороги. И снова придется уехать. И все из-за этих сопяков студентов!

— Может быть, ты не поедешь? Скажешь, что заболел?

— Я военный и должен выполнять приказ, — ответила Даниэль. — Дни мне быстрее поесть.

Эулалия принесла мужу омлет с бананами, отварной рис, кусок ананаса, чашку кофе.

Даниэль ел, поминутно поглядывая на часы.

— Проклятая служба! — сказала он. — Сейчас бы отдохнуть, а надо ехать. Да еще в такую жару.
Даниэль вышел из дому и сел в джип. Он уже завел мотор, но

снова выключил: из-за угла дома показалась его дочь.

Лидия, восемнадцатилетняя дочь сержанта, посещала местный лицей. У Белафонте еще был старший сын, Луис, но он отправил его учиться в Нью-Йорк.

— Как дела, Лидия? — спросил отец.

— Хорошо. А ты опять уезжаешь?

— Да. Вернусь завтра утром.

— Срочное дело?

— А! Все то же. Едем в Коутрири, сопровождаем полицейских. Они выследят там этих сопяков. — Но недавно почкала головой. — Пора по-настоящему братья за «бородачей».

— В Коутрири? — удивилась Лидия. — В Коутрири... — повторила она. — Послушай, папа, ты не подвезешь меня до аптеки? Мне надо кое-что купить.

Машина быстро поехала по дороге и остановилась возле единственной аптеки этого небольшого провинциального городка.

— С богом, Лидия!

— Прощай, папа!

Машина уехала. Сержант Белафонте торопился выловить приказ начальства, а его дочь Лидия — позвонить в Коутрири, чтобы предупредить своих друзей об опасности.

Из аптеки Лидия побежала к Марине, дочери садовника. Она жила на окраине городка.

— Поминка отправилась в Коутрири вместе с солдатами. И они что-то пронохали о напав. Я звонила им и не дозвонилась.

— Теперь уже поздно предупредить, — ответила Марина. — Я пойду пошушу Хуана. Через час встретятся.

...Когда Лидия вновь пришла к Марине, там уже были брат Марии, Хуан и его друг мулат Альмус. Они сидели и молчали. Но радио передавало специальное сообщение.

«Отряд, полиции, — говорила диктор, — выехал на группу повстанцев в районе Коутрири. В перестрелке

убиты два студента — Карлос Риомар и Элисер Диого».

— Этого не может быть! Я звонила туда недавно, и мне никто не ответил. Значит, там никого не было, — сказала Лидия. — Это выдумка полицейских. Не первый раз они передают ложные сообщения.

Снова заговорил радио. Сообщались приметы убитых студентов.

— Карантос был такой храбрый! — сказала Марина. — Он ничего не боялся.

— Они оба были отчаянными парнями, — заметла Хуан. — Сколько раз их предупреждали, чтобы они действовали осторожнее!

Альмус встал.

— Необходимо сейчас же вывезти листовки и патроны, которые мы хранили для ребят из Коутрири.

— А ты думаешь, что за нами следят? — Лидия говорила медленно. Она никак не могла отделиться от мысли, что среди тех, кто убил Карлоса и Элисера, был ее отец.

Альмус перебил ее:

— Послушай, Хуан. Сейчас я дойду до первого автомата и позволю себе заблужку для лица патроны. А вы вместе с пальцами погрузите патроны. Листовки мы с Лидией возьмем пока домой. На машине приедет Диого.

Уходя, Альмус стукнулся в дверь с стариком Лаго, отцом Хуана и Марии. В руках у Лаго были цветы.

— Ну, как идут занятия? — спросил Лаго. И не дожидаясь ответа, он, как всегда, начал вспоминать свою молодость. Старик любил рассказывать о своих странностях по разным государством, о борьбе и заштыт утешениях о своем участии в забастовках и митингах.

Внезапно раздался телефонный звонок. Хуан подошел к аппарату. Лаго продолжал свой рассказ о былых временах.

— Старый, — сказала Хуан отцу. — Прост десять филиппинок пальм для украшения лицей. Сейчас приедет грузовик.

— О, это хорошо! Лицейское начальство знает толк в пальмах. — Лаго встал, чтобы идти в сарай.

— Сиди, отец, — остановила его Марина. — Мы все сделаем сами. И Лидия нам поможет.

Старик закурил сигарету и остался в комнате. Молодые люди вышли на улицу.

Через несколько минут к дому подъехал грузовик, из кабинки высочился Диого.

Старик Лаго внимательно смотрел в окно, как грузили пальмы. Видимо, что-то необычное было в этой погрузке, потому что Лаго заметил заволакован и выехал на улицу. Диого уже заводил мотор.

— Подождите, я поеду с вами. И вaley побольше горячего... Слышите, Диего?

— Останься, отец! — сказала Мария. — Сейчас очень жарко, у тоду... ты разболелся от солнца голова.

— А ты думаешь, что у меня меньше будет болеть голова, если позиция вас задержит? Ведь вы и путь лежите дамыте лигера. А там, куда вы едете, меня даже солдаты в лицо знают.

— Значит, он все о нас знает, — сказала Хуан своим друзьям.

«Вот это старик! — подумала Лидия. — Не то что мой отец.»

* * *

Сержант Белафонте подбежал к домену. У порога стояла Зулалия. Она давно ждала мужа. С тех пор как передали сообщение по радио. — Наконец-то я дома! Отпустили на два дня.

— Хорошо, что ты вернулся. Все благополучно?

— Как сказать? Убито двое студентов.

— Святая Мария! Двое убитых! И это случилось там, где был ты?

— Не совсем так. Белафонте повелел голаяс. — В Коутурри мы ничего не поймали. Этих студентов убили в другом месте и привезли специально в Коутурри. А потом открыли стрельбу.

— И ты... ты тоже стрелял?

— Я? Нет, ни один из наших не стрелял.

Зулалия вздохнула:

— Сава богу! Ты не представляешь, что со мной происходит, когда ты уезжаешь на задание. Неужели ты можешь...

— Я просто выполняю приказы. — Давидел жаждал сигарету.

— Двадцать пять лет служил — и ни одного замечания.

— Двадцать пять лет... повторила жена. — Ты уже можешь пойти в отставку.

— Ну, что ты боляешь? Если и сейчас это савало, то все получают, что я студент.

Зулалия посмотрела на мужа: «А что, если сейчас сказать ему о письме?»

— Давидел... — начала было она.

— Вот перебьют всех повстанцев, — продолжала Давидел, — тогда я и пойду в отставку. Ты что-то хотела мне сказать?

— Я хотела спросить, что пригласить тебе на ужин?

— Мне все равно. А где Лидия?

— Она занимается у себя в комнате.

Зулалия ушла на кухню.

На телевизоре лежала стопка учебников Лидии. Белафонте взял одну из книг, стал перелистывать, не читая: он любил только комиксы.

Вардуг из одного учебника вышло несколько бумажек. Он поднял их. Это были революционные

листочки. О, он их хорошо знал! Они часто появлялись на стенах домов.

Несколько минут Белафонте стоял без движения. Кто бы мог подумать: его дочь, дочь сержанта, верного солдата генерала Батисты — и вардуг эти листочки повстанцев!

— Зулалия, Зулалия, иди сюда сейчас! — кричала Белафонте. Кто принес в мой дом эту мерзость?

— Видимо, Лидия. Кто же еще? Сейчас все читают эти листочки.

— Все! Но не я! В доме Белафонте никогда не будет этих проклятых листочков! Ты понимаешь, что за них Лидию посадят в тюрьму, а меня уведут из армии!

— Не кричи так громко. Тебя услышат на улице.

— Но сержанта уже было трудно остановить.

— Какое бесстыдство! Лидия! Черт возьми, Лидия, где ты?

— Кто случилось, папа? Почему ты так кричишь?

Белафонте показал ей листочки: — Это твои?

— Да.

Девушка решительно направилась к отцу, чтобы взять у него листочки.

— Ах, так? Ты даже не отпрянешь? Ну, смотри же. — И он стал рвать листочки. — Вот, вот, вот они! Вот так же мы расправлялись с вашими революционерами.

— Да, я знаю, что вы можете убит. Но этим нас не испугаете. Кстади, одними листочками режима не свергнуты. У нас есть коэцко сопротивления.

— Не помню себя от пива, сержант бросился на дочь. Лидия не дивуилась с места. Между отцом и дочерью, широко раскинув руки, встала мать.

Белафонте остановился, засунул руки в карманы брюк и решительно сказал:

— Хорошо, я знаю, что с тобой делать. Завтра же утром я привезу паспорт и ты отправляешься в Нью-Йорк к брату. Завтра же! Понимаешь?

Зулалия молча вышла из комнаты и вернулась с письмом в руках.

— Прочитай, Давидел, — сказала она, протягивая мужу конверт. — Тебе пора узнать об этом.

Белафонте быстро пробежал глазами письмо. В нем сообщалось, что Луизе находится на Кубе, в горах, в армии повстанцев.

— И ты это держала в тайне от меня? — Белафонте скопал письмо.

— Все ясно, теперь я отдаю мой билет, — в теперь они идут против меня!

— Нет, Давидел, — решительно сказала Зулалия. — Дети твои со всеми, а ты против них.

Перевея с испанского С. КУХАРЕНКО.

ЧИТАТЕЛИ ПОДДЕРЖИВАЮТ АВТОРОВ СТАТЬИ «ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ!»

НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ПОДРОГЕ

Конечно, нашу «Книжку» не сравнить со спортивным коллективом «Ростсельмаша»: у нас и физкультурников меньше и успехов посромнее. Но и нас очень волнует вопрос, поднятый в письме ростоцком.

Общественные тренеры и инструкторы руководят у нас занятиями в двенадцати секциях. Могут ли они при существующих положительных условиях отличных спортсменов?

В команде баскетболистов, с которой я занимаюсь, ребята подобрались дружные, преданные спорту. Но я как инструктор могу передать им лишь баскетбольные «азы» — те, которые сам усвоил два года назад на 35-часовом семинаре. И сейчас с остро чувствую недостаток знаний в тактике и технике баскетбола. В таком же положении находятся и многие другие тренеры и инструкторы.

Я поддерживаю предложение ростоцкого о том, чтобы комитеты ВЛКСМ заслушивали отчеты инструкторов и тренеров. Но делать это следует, на мой взгляд, не на заседаниях собраниях, а на заводских или фабричных комитетах: ведь в каждой секции из одного шека занимается лишь несколько человек.

Большой поддержкой «Книжки» в комитете ВЛКСМ завода «Калибр» являются курсы усовершенствования на базе физкультурных учебных заведений. Здесь можно организовать и претические занятия. Провести, например, показательную встречу и тут же устроить ее разбор.

В. АФОНИН,
инструктор объединения
г. Пудышев.

ОСНОВНОЕ ЗВЕНО

С помощью общественников — а их у нас более восьмидесяти — физкультурный коллектив «Калибр» стал одним из лучших в Рижском районе столицы. Да и на городских соревнованиях общественники «Груда» многие наши команды занимают призовые места. Из года в год растет число разрядников, все больше молодежи приходит в спорт.

А ведь несколько лет назад положение с физической культурой на заводе было совсем иным. Секции были малочисленные, спортом занимались одиночки. Штатные специалисты физкультуры заботились лишь о проведении мероприятий — соревнованиях и спартакиадах, — довольствуясь ролью «откопачки».

Перелом начался, когда заводской совет общества «Груда» стал действовать рука об руку с комсомольской организацией.

Теперь, оглядываясь назад, мы убеждаемся, что главной силой, с помощью которой мы преодолели отставание, были общественные инструкторы. Причем мы не ограничивались выдвиганием на эту работу лучших спортсменов, а проводили с ними семинары по методике занятий с новичками, судейство, практике проведения соревнований. Физкультура заняла видное место во всех планах комитета ВЛКСМ завода и большинства цеховских.

К письму ростоцкыишавцеве добавим, что очень важен лич-

ный пример комсомольских вожаков. Члены нашего комитета ВЛКСМ — активисты спортивной работы, направленные унестию соревнованиям. Среди секретарей комитета Валентин Чернов — отличный волейболист и организатор туристических походов; его заместитель Ира Егоричева — неоднократная чемпионка завода по мячиконо диска, колы и гранаты, общественный инструктор, член комитета комсомола Григорий Розыбин — волейболист и спортивный судья. Среди тридцати членов заводского комитета ВЛКСМ нет ни одного, кто бы не занимался физкультурой.

Несколько слов о методической литературе. В ней нет недостатка, но в большинстве своем это книги, расчитанные на специалистов с высшим образованием. Конкретизируя мысль общественников «Ростсельмаша», мы предлагаем силами наиболее авторитетных педагогов физической культуры создать серию популярных методических выписок в разном виде спорта, своего рода «библиотеку общественного инструктора».

А. СЕДОВ,
инженер, общественный
инструктор по туризму.

С. МЕНДРИКОВ,
член областного и республиканской секций.

г. Москва,
завод «Калибр».

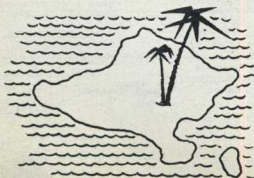
Фото Ю. Воронова.

Чтобы побывать всего по одному дню на каждой из островов Индонезии, потребовалось бы более восьми лет! Три тысячи островов, больших и совсем крошечных, занимает эта знаменитая тропическая страна. Но для того чтобы познакомиться с Индонезией, не обязательно путешествовать по всем островам. Посетите Бали — маленький остров, расположенный к югу от Явы, — и вы получите яркое представление о богатой природе Индонезии, о ее древней своеобразной культуре, о трудолюбивом и талантливом индонезийском народе.

Остров Бали — «заповедник» религии индуизма, обычаев и нравов, связанных с ней. Люди здесь жи-

вут по общему принципу, и деревни их напоминают маленькие государства, только без пограничной стражи. Девушки одеваются очень ярко и славятся своей красотой.

Жители Бали, как и все индонезийцы, героически боролись с голландскими колонизаторами. И сейчас, когда страна обрела свободу и независимость, они активно участвуют в строительстве новой жизни, в укреплении молодого государства. В феврале балийцы восторженно и сердечно встречали Н. С. Хрущева. Приветствуя аясоного гостя, они еще раз продемонстрировали свою решимость отстаивать мир, укреплять дружбу с советскими народами...

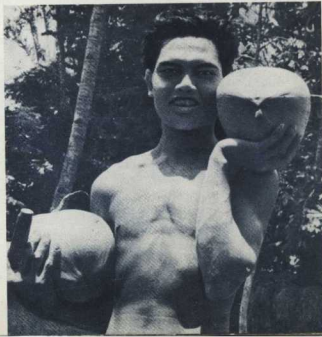

БАЛИ-ОСТР

Типичный уголок балийского селения. И как обязательная деталь пейзажа — храм, построенный с большим искусством.

Этот парень угощал нас коносовым молоком — замечательным соком тропиков. По производству коносовых орехов Индонезия занимает одно из первых мест в мире.

ОВ СОЛНЦА

Спасаясь от лучей палящего солнца, балййцы часто устранивают свои жилища в тени громадных моносовых пальм.

Не правда ли, эта девушка подтверждает славу балййских красавиц!

БАЛИ- ОСТРОВ СОЛНЦА

Говорят, что тот, кто не видел балийских танцев, тот не знает Индонезии. Танцы эти — прекрасно поставленные, сценически яркие миниатюры, рассказывающие о быте, борьбе и мечтах народа, иллюстрирующие народные сказания и легенды.

Изделия искусных балийских ремесленников известны во всем мире. Здесь широко распространено производство различных предметов из серебра, роспись по шелку, резьба по дереву и кости.

Парадии

«И велика была тайна сия!»
(Из ненайденной рукописи).

НАХОДКА НА КУЗНЕЧНОМ МОСТУ

Это необычайное, наполненное загадочными событиями утро началось для дворника Матвея Фяфелыча обычно. Старый мастер метлы и совки выкупал старик чаю и вышел на улицу. Морозило. Сняло. Бодрило.

Фяфелыч уже заканчивал уборку своего участка, как вдруг рядом с урной для мусора заметил бумажку. Тысячи таких бумажек строб в совок на своем веку старик дворник, но ни одна еще так не магнетизировала его, не завораживала.

— Ось, оканнина! — пробурчал Фяфелыч и поднял листок. На нем не было написано ничего.

— Да-а!.. оавдченко прогнул дворник, инстинктивно чуж поддох.— Так, ни за что ни про что, выбросить чистый лист бумаги! Добро бы записку! От беда! И вдруг еще одна находка. В подходе от урны завалялся окурок сигареты с таинственной надписью: «Rigas».

— А окуроч-то ненаешский! — пропелал дворник, бережно завертывая его в платок. Он не знал в ту минуту, что вляется в водоворот таинственных и невероятных событий.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЦИФРЫ

— Я его заметил еще за квартал, — рассказывал потом сержант милиции Акулов.

Человек с «отвисшей челюстью», «обгабонными глазами матерого убийцы» и «четырьмя шрамами на лбу» явно не соблюдал правил уличного движения. Ветер бил ему в грудь, раздувал помя, поджак, и тогда было видно, что за похом у прожогого «отрчал старый морской кортик, украшенный чешканной резьбой». За плечами у незнака висел объемистый рюкзака, а из команты тирольской шапочки поднимался пруттик радиоантенны.

— Я шпину! Где здесь управление ГПУ? — выкрикивал он время от времени под добродушный смех прохожих. Вероятно, это продолжалось бы довольно долго, если бы его не остановил сержант Акулов. Взяв под козырек, он внушительно произнес:

«— Шли бы домой спать, граждане! Неудобно!»

Прохожий покорино поплелся к тротуару и в этот момент был сбит машиной. Собрались толпа. Невзвестный не подавал признаков жизни. На этой же машине он был доставлен в больницу.

В его рюкзаке нашли радио, маленький миномет, складную самодвижущую кроватку и записку с таинственным шифром: «А. Я. ДВ. В. ПУС. 16 × 44 × 46 × 60 × 65 × 70 и т. д.»

Все это лежало вскоре на столе генерала Степана Петровича Остремysłова.

ЧЕЛОВЕК НАД БЕЗДНОЮ

А в это время далеко от Москвы...

«— Пришлите ко мне Двадцатого, — сказавши понизившемуся дежурному. — Передайте ему, что мистер Боб ждет его».

Дежурный исчез. Уже через минуту в пустом коридоре послышались гудящие, тяжелые шаги, и в кабинет вошел Двадцатый.

Полковник... обратился к секретному агенту:

— Готовы ли вы?
— Да...

— Мы перебросим нас в Советский Союз... Но вы можете это раз умереть, прежде чем возвратиться к нам. Готовы ли вы к этому?

— Да, готов.
— Вы инструктор... В ящике сказано, что вы должны будете делать, очутившись на территории Советского Союза. Утром вы вылетите на специальном самолете в Европу. Курс — на Париж в Гречни. Там вас встретят, снабдят всем необходимым и переправят в Советский Союз... Можете идти. Счастливого пути. Помните, главная цель — Серебряков. Кстати, вы хорошо запомнили характеристики ваших возможных врагов, данные их же литераторами? Повторите.

— Лейтенант Федоров — «стройный юноша, с румяными девичьим лицом».

Полковник Сергеев — «высокий, худощавый человек с седыми висками».

Полковник Марков — «высокий, подтянутый с седыми висками».

Генерал «выглядит очень свежо и молодо».

— Что ж, небогато! Ну, в общем, ориентируйтесь на месте.

«Двадцатый по-возможному четко повернулся и вышел».

Большая черная машина выехала из ворот и помчалась туда, где сверкал огнями ночной Нью-Йорк.

В следующую ночь самолет без опознавательных знаков на большой высоте пересек границу СССР. Человек шагнул в беду, и белый купол парашюта мягко понес его к земле.

В ту же ночь в типографии одной из бульварных газет найбольшее обилие: «Известный специалист по русскому вопросу Макс Руже погиб вчера при автомобильной катастрофе». Вскоре один экземпляр этой газеты уже лежал на столе Остремysłова.

«— Леонард выходит на тропу, — заметил Остремysłов. — И перед каждой поездкой к нам он объявляет о своей смерти. Что ж, посмотрите, что выйдет у тебя на этот раз, Макс Руже!»

ТРУПЫ ОЖИВАЮТ В ПОЛНОЧЬ

(рассказ капитана Гараява)

Прошел месяц. Никаких признаков жизни Руже не подавал. Генерал был явно озабочен. Обычно «подтянутый, молодцеватый, чисто выбритый, веселый, жизнелюбивый, сдержанный», на этот раз он вышел из себя.

Рисунки М. Успенского.

— Вы не умеете анализировать! — кричала он мне. — Видь и ребенок, что между нахождкой дюрника и случаем на улице Горького есть прямая связь. Посудите сами. Шпигон явно шел с лопинной, и лишь недоверие к человеку мы обязаны тому, что он не сидит сейчас перед нами. Янки зашипованы. Ясно, что он хотел расшифровать их на Кузнецком мосту, вынула чистый лист бумаги, а потом почему-то раздумал. Там же он обобрал и сигарету. Сколько раз нас нужно звать искать связь между явлениями!

Я смущенно молчал.
Шпигон... И вот в один из дней, мезельных вечеров ко мне пришел взволнованный профессор Серберюков.

— Привидения существуют, — сказал он, робко тронул меня за локоть. — Это факт. Они появляются только в одиннадцать часов ночи, а в полночь исчезают... Я улыбулся.

— Честное слово... Уверено ас, я не шутил. Ровно в одиннадцать они появляются так же аккуратно, как и двенадцать в ваших домах. Я понимаю, что вы не верите мне, в наше время — а такая чертовщина, но тем не менее это факт...

— А как же водит себя эти... духи? — деланно раздумываю в томном спросил я. — Что, они появляются в белых саванах, с обнаженными черепами и тихо ступат, пугая живых?..

— Нет, наоборот... И вид у них не мертвенный, а скорее живых людей... Мне даже показалось, что одно из этих привидений, заглянувшее мне вчера в окно, похоже на Макса Ружке.

— Но он же мертв!
— Мне лучше знать его, — шепотом ответил Серберюков. — Переложил о себе он опубликовал еще в то время, когда я был студентом. Они уже и тогда охотились за мной.

Видно над чем подумать!

АМАЗОНКУ НАДО СПАСАТЬ

(продолжение рассказа Гаралева)

Случилось это на рассвете, когда солнце уже позолотило

крыши домов и гвадь реки». Шифровальщик Исидор Пеночкин кирту вскопал из-за стода и ринулся в библиотеку. Когда он вернулся, на лице его сияла улыбка Архимеда, только что совершившего открытие.

— Что же вы! — торжественно заявил он. — Шифр разгадывается потому, что в нем нет решительно никакой последовательности. Читайте! — Исидор протянул нам бумажку с буквами и цифрами, которые наводил на нас уже поминя наусе: «А. Я. ДВ. В. Луз. 16 × 44 × 46 × 60 × 65 × 70 и т. д.»

Сколько ножи провели мы над этим клямом бумаги, содержащим такую цифру... — продолжал Иседр, — что под буквами скрывается название определенной книги и фамилия ее автора. Цифры же, видите, означали страницы. Естественно было предположить, что ближе сердцу шпигона могла быть книга о разведке. И я нашел ее! — вскричал Пеночкин. — Вот она, повесть А. Лоповатова «Детища в пустыне». А теперь читайте:

Стр. 16 — «И поцеловала в детски прихуляку губку».
Стр. 44 — «и прихуляку хуляку губку».
Стр. 46 — «прихуляку губку ужи на кизаку дитовой».
Стр. 60 — «а губку уже не казалась пухлая, как у ребенка».
Стр. 65 — «на верхней по-детски прихуляку губку».
Стр. 70 — «он, не отрываясь, смотрел на прихуляку губку и д...»

Так вот что означало это таинственное «и т. д.» Мы были сражены логикой шифровальщика.

— А как зовут эту амазонку с «прихуляку губкой»? — спросил я.

— Таяна...
Нас осенило сразу обоих. Таяна, нашей Таяне, охраняющей Северейкуву, угрожала опасность! Работала Павла Викентьевна Серберюкова придавала особое значение, и покой этого выдающегося ученого были призваны оберегать я и мой друг. Сейчас, когда исследования мотуллины в ролпохую фазу, при профессоре неотступно находилась наша сотрудница Таяна. Ее срочно нужно спасти.

Таяна была спасена. Какими путями — об этом еще не пришло время говорить...

ДВАДЦАТЫЙ СХОДИТ СО СЦЕНЫ

Макс нервничал. Похититель труд Серберюкова не удалось. И Ружке решил.

«Рыварной механизм поставлен на место. Все специально...» — выкрикивал вместе с обложкой, и которую она заключена, составляет около полутона. Вырыв будет произведен на высоте трехсот метров. Миллионные доли секунды, в течение которых ночь как бы превратится в день... — и с Серберюковым будет покончено. Вдруг...

«Кто-то неожиданно прикавал: — Ружке вверх!»

Макс мегнулся к забору — там стояли солдаты. Тогда он схватил зубами ворот рубашки, но азиаткой в нем ампулы с цинкостым калием на месте почему-то не оказалось. Вот оно, мучившее его предчувствие!

Оказалось, что Макс по рассеянности вместо ампулы с цинкостым калием зашил в ворот рубашки бутылку с пенис-колом.

— Вот мы и встретились, Макс Ружке, — ласково сказал Гаралев. — А за Серберюкова на нас не сердитесь. Настоящий Серберюков сейчас находится с делегацией у нас, в вашей стране. А здесь вы встречались с его двойником, артистом нашей самодельности Ваней Настрымом.

Шпигон злобно заскрежетал зубами. Карьера Двадцатого кончилась.

ЭПИЛОГ

— А что случилось с Матвеем Фальфельчем? — спросил любознательный читатель.

— А, собственно, почему с ним должно было что-нибудь случиться? — спросил, в свою очередь, я. Сколько ультрадетских Фальфельч бродит по страницам наших приключенческих книжек, неизвестно по имя чего и для какой цели. Принимаюсь за повесть, мог ли я и не избравать «своего Фальфельча!»

— Но это неоригинально! — скажете вы.

Да, я не оригинален. Все, выделенное в этом повествовании другим пририфтом, слово в слово перепеано мною из романа и повестей других авторов. Все сюжетные повороты и «ходы», о которых, тоже заимствованы. И пусть обиденные даже внимательные авторы не обижайтесь. Завалился на перо, нужно писать о сути дела. И если бы я заменил сценку свидания полковника с «Двадцатым» на «Атомной крепости» И. Цандулина совершенно аналогичной сценкой свидания майора с агентом из «Букета алых роз» Л. Олавова, ничего, собственно, не изменилось бы. От перемены места штаны не перестают быть штанами.

Все это очень поучительно. Выписав характеристики различных образов из различных книг, мы предлагаем поклонникам приключенческой литературы приделить по ним фамилии писателей, в которых выделены эти характеристики к жизни. Это игру мы охотно предлагаем также внимательным литераторам, пишущих в приключенческом жанре.

БРАЙТОВСКАЯ РАКЕТКА

Все видели, как играют в теннис. Многие держали в руках ракетку, но мало кто знает имя ее конструктора. Конструктором советской теннисной ракетки является наш земляк, инженер-голове Новосибирска Александр Иванович Брайтовский. По профессии он художник-декоратор. Но в честь Александра Ивановича еще одна страна: он задний тен-

нисист и не раз успешно защищая спортивную честь родного города.

Летчик старого типа быстро выходил из строя, не выдерживал часто даже один соревновательного сезона. И Александр Брайтовский усовершенствовал ракетку — сделать ее более прочной, удобной и красивой.

Летчик старого типа самозача трудился над своим детищем. Сам начал и делал, а вновь созданный модель, чутко прислушиваясь к замечаниям и пожеланиям известных мастеров порта. И, наконец одержав победу, модель Брайтовской ракетки была одобрена.

Ракетка Брайтова приключилась по ружке и Николаю Озерову и Сергею Андрееву, и Михаилу Мозеру, и Дине Самгиринской, и Юрию Курячнину, и Томаосу Янейсу. Она демонстрировалась на Всемирной выставке в Брюсселе, где получила всеобщее признание.

Гарлава ШПАК, Виталия ГОЛОВАНОВ
г. Новосибирск.

Картина из дерева

Народная изна-о Черевине-лугиана Сиаза-Черевине не раз вдохновляла художников на создание интересных, разнообразных по исполнению картин. Привлекла она и молодую художницу Наталью Беляеву. В ее произведениях сказочные герои изобразены хорошей реалистической манере. Краски как бы заумывались вместе с черевинскими могучий русский лес. Прекраснейший цветот лилии.

Картина иванована: она размещается на ширине одного ширинико. Но сколько труда и стараний приложила автор! Присмотритесь внимательно к картине, и вы не заметите на ней следов кисти. Краски, которые вы видите, — это естествен-

ные цвета разных пород дерева. Художница долго и терпеливо подбирала их. Как грузин, которым выполнена одежда черевича, она превратилась в розовый бархат, а вставки аналогового дерева на салагах — в сафьян. Кусочки дерева вынужденного дерева гной придали дереву коричневый и темно-зеленый, — особенно паразитлен пруд, в прибрежной воде которого отражается одежда Ивана-Черевича.

Молодую художницу — выпускницу Московского государственного педагогического института имени В. П. Пугачина — можно поздравить с большим творческим успехом.

М. ГОРЕЛОВ, кандидат искусствоведения

И. Хикмет, В. Тулякова
«Да упряйца», Инженер-
геозащитник. Николай —
В. АНДРЕЕВ, Алексей
Петрович — В. ЯКУТ.

Фото М. Муразова.

Семь лет назад на сцене Театра имени Ермоловой впервые появился молодой артист Владимир Андреев. Он дебютировал в горьковском спектакле «Достигаев и другие» в роли интеллигента Тятиня.

В этой первой роли уже можно было увидеть стремление артиста найти свою собственную тему, тему, которую всегда требовал от актера учитель В. Андреева замечательный режиссер Андрей Михайлович Лобанов. Герой Андреева — человек неустанного внутреннего поиска, для которого жизнь — это борьба и за себя самого и за всех людей, живущих рядом.

Беспокойство души, страстная увлеченность делом, стремление к счастью, добротому трудом собственных рук — вот что объединяет образы, созданные Андреевым на сцене театра: десятиклассника Алексея («В добрый час!» В. Розова) с чемпионом Алексеем («С новым счастьем!» М. Светлова), инженера-геохимика Николая («Да упряйца» Н. Хикмета и В. Туляковой) с сосем оном Шуровой Зайцевым («Старые друзья» Л. Малюгина).

Каждый раз молодой артист находит точную деталь, выразительный штрих, характеризующие образ. Это могут быть глаза — неподвижные, вобранные в себя всю боль отчаяния, бессилия, одиночества, — глаза раненого Володи в пьесе В. Розова «Вечно живая». Или руки Кости Жаворонкова — героя пьесы Я. Липковича «Несоносный характер» — огромные, как черепахи, руки, которые обнимают одна другую, будто подражая с победой. Это движение Владимир Андреев подметил у экскаваторщика, с которым довелось ему однажды встретиться на киносъёмках. Многие от него узнали героя Андреева — лихой весельчак Коста Жаворонков, который под маской искромётного озорства прячет чуткое, отзывчивое сердце, скрывает за игривой беззаботностью большое, глубокое раздумье. Это раздумье о человеке, о его месте в жизни.

В. Андреев показывает, как под влиянием большого искусства к Марии Гайдай — мастерице леспромхоза — Жаворонков освобождается от всего поверхностного, наносного, как сквозь внешнюю браваду пропугает настоящий мужской характер. Вместе со своим героем артист последовательно проходит сложный внутренний путь самонахождения. Поэтому отважный поступок «Жаворонка», первым преодолевшего опасный перевал, выглядит закономерно. И образ Кости в исполнении В. Андреева приобретает силу жизненной убедительности.

Каждая новая роль для актера — это важное и трудное испытание. Как часто приходится встречать молодых, удачно дебютировавших артистов, чья работа в скором времени уже невозможно отличить друг от друга, чье дарование блекнет от спектакля к спектаклю под напором безжалостного штампа В. Андрееву посчастливи-

СТАНОВЛЕНИЕ АКТЕРА

Эрик Мариа Ремарк «Три товарища». Патриция Хольманн. ФАТЕЕВА, Роберт Лоуи — В. АНДРЕЕВ.

Д. Давурин «Обез второго разряда». Коммунист Ковров — В. АНДРЕЕВ.

лось избежать подобной опасности. В самом деле, до чего разнятся между собой в исполнении артиста холодный, элегантный циник Гордон Уайтхед в «Опасном повороте» Д. Пристли, коммунист Ковров в «Обезе второго разряда» Д. Давурина, художник грустной осени Сун-Юя в пьесе Го Мо-жо «Цой-Юань»...

А вот Робер Массубр-младший («Мольба о жизни Жювале») — хищник, лицемер, стяжатель. Робер Массубр не колеблется. До поры до времени он еще сохраняет видимость приличия. Но, дож-

давшись удачного момента, уже не медлит. Он выставляет отца из правления акционерного общества, становится на его место... В. Андреев сознательно заостряет чисто человеческую линию образа, в точности следуя завету А. М. Лобанова о необходимости философского союза с автором.

По-хорошему разный и обязательно современный, остается герой В. Андреева и в кино. Поэтому так взволнован зритель, переживающий промахи и победы Алеша Никифорова («Ночной патруль»), радующийся за Митю Ласточ-

кина («Доброе утро»), негодуящий против расчетливого эгоизма Виталия («Человек родился»).

И как добрые «стесники» признания идут и Владимиру Андрееву письма зрителей. Среди них есть письмо, которого тайне ждет каждый актер: «...созданный Вами образ настолько взволновал меня, что вот я уже пишу Вам как к товарищу, как к доброму знакомому, которому можно признаться в своих ошибках и рассказать о самом современном».

Г. ХАЛТУРИН

Когда говорят о Хикмете, вспоминают Фучика и Джаддла.

Замечательного турецкого поэта-революционера не смогли задушить ни смертельные приговоры, ни инспирированные покушения на его жизнь. Вряд ли найдется культурный человек, который не знал бы стихов Хикмета. И потому вполне интересен читателям в книге рассказы о Назыме Хикмете, изданной для нашего юношества Дэттигом. Называется эта книга «Песня над Босфором». Автор ее Александр Тавровский повествует о жизни и творчестве поэта. «Песня над Босфором» подкупает простотой и задумчивостью.

Личность Хикмета цельна и вместе с тем сложна.

Хикмет прежде всего поэт, большой поэт великой эпохи.

«Его стихи разят, как молнии...» — так говорит о Назыме даже в турецком писателе, которых никак уж нельзя назвать друзьями поэта.

Хикмет — потомственный революционер.

Дед его, казвин англичанин — убийца турецкого князя, — поставил под угрозу свою жизнь вопреки воле кровавого сатаны Абдула Хамиды Второго, своего зятя, который приказал вычеркнуть из всех книг не только слово «революция», но даже химическую формулу воды H₂O: кто-то из придворных шепнул монарху, что формула эта означает «Хамид Второй равен нулю...». Другой предок Хикмета был видным участником восстания Дембровского, третий — «зачинщиком бомбардиров» на немецком военном корабле. Сам Назым Хикмет не только поэт и революционер.

Он замечательен еще и просто как человек, человек доброй души, светлого разума, горячего и справедливого сердца.

Велика и трогательна любовь Назыма к простым людям, с которыми столкнулся его судьба. Где бы он ни был, как бы ни унижала его или как бы ни превозносила его судьба, поэт остается скромным труженником, другим и слухой трудового человека.

Хикмет требует от каждого гражданина активного вмешательства в жизнь и в борьбу:

Если я гореть не буду,
если ты гореть не будешь,
если мы гореть не будем,
так кто же здесь
рассеет туман?

Показать Хикмета в отрыве от его народа, от его страны просто невозможно. Книга А. Тавровского о поэте — это одновременно и рассказ о Турции. Мы видим и султанских офицеров, и крестьян, и белого русского эмигранта, и чиновников. Видим Стамбул и азиатское село. Переживаем сложность и самоотверженность борьбы турецких подпольщиков — коммунистов. Шаг за шагом ведет нас автор по богатой событийности жизни Хикмета.

Своеобразно композиционное построение книги. Она состоит из отдельных рассказов, связанных сюжетно и хроно-

логически в единую повесть. Вот глава «Кошка тетушки Гоэнды». В ней рассказывается о том, как известный турецкий поэт Яхья Кемаль сумел предугадать в курсе Назыме из Салоники того, кого мы знаем как Назыма Хикмета. А вот глава-рассказ «Маяковский» — о первой встрече Хикмета с лучшим советским поэтом. А Тавровскому удалось показать Маяковского без «хрестоматийного глянца», живым, порой усталым, но неутомимо победителем все на свете, когда дело идет о поэзии, о принципе, о нуждах советского общества.

Читатель с интересом узнает, что Хикмет — сын крупного султанского чиновника, курсант привилегированного военно-морского училища — первое свое стихотворение посвящает несчастным погорельцам, потерпевшим на пожаре все свое состояние. Во время национально-освободительной борьбы турецкого народа с иноземными оккупантами молодой поэт безогорочно становится на сторону борющегося народа. Заветная мечта его — повидать Ленина, о котором с такой любовью говорят в турецком народе. Хикмет попадает в Москву. Здесь он учится в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Возвратившись на родину, Хикмет принимает участие в революционной борьбе. Вскоре, даже находясь под судом, говорит поэт о единственно правильном, спасительном для турецкого народа пути — пути дружбы с великим северным соседом и другом.

Однако в интересной книге А. Тавровского есть и недочеты, о которых нельзя умолчать. Порой автор изменяет им же выработанный стиль повествования. Оригинально задуманная глава «Джикоюнда улетает в Китай» действительно «улетает», или, точнее говоря, выпадает из общего плана книги. Написана она в другом ключе. Такой разницей в стиле мешает читателю. Неоправданно представляется нам и объемная несообразная некоторых глав, противоречащая порой смыслу и духу книги. Не следовало, нам кажется, перебарщивать и с цитированием стихов поэта. Мы любим поэзию Хикмета. Но ведь весь ход повествования и так заставляет читателя еще и еще раз обратиться к его произведениям.

В целом же хочется рекомендовать «Песню над Босфором» не только «юношам, обдумывающим жизнь», но и читателям всех возрастов. Было бы несправедливо не отметить прекрасное оформление книги. Издана она о большем вкуром.

И думается, что нашим издательствам и в первую очередь «Молодой гвардии» и Детгизу следует выпустить серию подобных книг о выдающихся писателях — борцах за мир, в том числе, естественно, и о лучших советских писателях.

АНАТОЛИЯ АЛЕКСИН

Что Опи

Поспорили звери: кто науку ползуу спортсменам принес.

Менгуру говорит: — Я первая показала бегущим низкий шаг. С тех пор они начинают бег на коротких дистанциях только так.

— У вас, почтенная менгуру, — вежливо пропихнул лягушка, — впрочем, как и у меня, учились не только бегущим, но и прыгущим. Чтобы прыгнуть, надо хорошо оттолкнуться задними лапами. В зверином царстве никто это не умеет лучше, чем мы с вами.

— А мне, гав-гав, — пролаяла Фучика, — начинающие плавать должны спасибо скалаты в научила их плавать по-собачьи.

— Не велика заслуга, — шевельнул длинными ушами кролик. — Лучше обратит внимание, что самый быстрый способ плавания — кроль — носит мое имя.

СРЕДИ
КНИГ

КИНО ВИДЕО

ЖЕЦ ПОЛЕТ

Рисунки И. Бронникова

— Нет уи, шутниш, бра-тец ушастый, — зашипел уи, — ты-то здесь совсем ни при чем. Посмотри в словадь — и увидиши, что англишное слово «жрец» означаеи «ползате». А уи я-то ползате мастан!

— Иа-иа, — широко раззевая рот, пронзавкала лягушка. — Если ви заговорили о плаванни, то испомни-ли би обо мне. Когда я смотрю на плывцов, прыгаюшк ваду, то мне так и кажется, что они вон родные братья. А браеси кто-то, не я, научил их плавать брасом?

— А я баттерфляем, — прошепеляла разноцветчатыйи краснышкми красная бабочка. — Баттерфляй по англисиши и ест бабочка. Посмотрите-на на спортсменов, плывущих баттерфляем! Не кажется ли вам, что они порхают над волнами так же, как и я с цветом на цветочк?

Из морской пучины вы-сочили тонкыи черный дельфин и, отфыркиваясь, сказал:

— Я признаю, ФФР-Р, только стиль «дельфин». Без хвостовста скажу, я первый придумал этот прекрасный способ плаванни. От меня и пошло.

— О-ля-ля! — весело прощелбала ласточка. — Дайте и мне сказать! Вспомните, как красиво прыгают спортсмены с вышии! Это потому, что они прыгают «ласточкой».

— А что вы скажете о прыжках «олени»? — воскликнула легкомысл. олешик и горделиво вздернул свойи ветвистый, как яблонька, рога.

Но тут в завирный спор вмешался человек. Он замялся и сказал:

— Может быть, спортсмены кое-что и позанимались у леу, птици и звери. Но все же главным они добились своей настоящиюстью, умаи и смеланью.

А. СВЕТОВ

РАДИОСВЯЗЬ С... ОВЦАМИ

Отправляя Лайну на спутнике в космическое пространство, ученые снабдили ее приборами, которые сообщали о самочувствии собаки.

И ШВЕЦ,

И ЖНЕЦ...

Овцы Самаркандского научно-исследовательского института каракулеводства не собираются нигде улетать. Они пасутся на пастбищах. Но как они себя чувствуют, как работают их организмы? Какие условия наиболее благоприятны для развития? Для наблюдения за животными в естественных условиях пастбищ сотрудники лаборатории физиологии института применяют аппаратуру, подобную той, которая служила для организации Лайны. Овцы свободно и портамными радиопередатчиками могут находиться на расстоянии до 18 километров.

На рисунке вы видите, как старший научный сотрудник Зина Мухоморова наблюдает за овцами на аппаратуре перед отправкой животного на пастбище.

Фото Л. Раскина.

КАМЕРА ИЛИ МАГНИТОФОН?

Звук записывают на магнитную ленту. Но записывают его и механическим способом на граммофонную пластинку. Изображение можно запечатлеть на фотографии. Можно получить движущуюся фотографию — кино, «записать» движущееся изображение звуку, изображение также может превратиться в записывающую систему. Через телевизионные системы передавать на расстоянии и, очевидно, записывается на магнитной ленте.

В самом деле, нельзя ли использовать в телевизоре магнитную запись? Конечно бы, простей техническая идея. Да и известна она была задолго. Но построи ап-

парат, записывающий на магнитную ленту телевизионные сигналы изображения — видеомангитофон, — оказалось не так просто. На пути конструктора возник целый ряд трудностей.

В процессе передачи телевизионного изображения происходит его превращение в электрические сигналы. Звучающая часть программы также преобразуется в электрический ток. Разница состоит в том, что для передачи звука требуется диапазон частот от 40 до 20 тысяч колебаний в секунду, а для телевизионных изображений используется полосу частот от пятидесяти до 6,5 миллиона колебаний в секунду.

Хороший современный магнитофон весь звуковой диапазон записывает полностью. А вот чтобы уложить на магнитной ленте всю «изобразительную» полосу частот при той же плотности записи, потребовалось бы протягивать ленту с скоростью 60—100 мисек. Исключено это практически неприемлемо. Выход был найден в применении так называемой ступенчатой записи. В нем заключается этот метод

Обычно магнитная лента протягивается вдоль неподвижной записывающей головки, представляющей собой железный сердечник с катушкой. При ступенчатой записи головка устанавливается на определенную точку, вращающегося барабана. Лента достаточно медленно протягивается мимо барабана, так, чтобы головка прочерчивала на ней полеречные строчки. Конечно, при таком способе лента должна быть шире, чем та, которая применяется в звукозаписи. Запись звукового сопровождения телевизионной передачи производится вдоль края ленты головкой обычного типа.

Коллектива инженеров Всесоюзного научно-исследовательского института звукозаписи, возглавляемый кандидатом технических наук В. И. Пархоменко, создал экспериментальный образец видеомангитофона. Внешне он напоминает магнитофон обычного типа, но отличается несильно большими размерами.

В феврале этого года в Москве один из телеконфертов был во время передачи записан на магнит-

Такой помощник в хозяйстве всегда пригодится. Он маленький, но, как говорится, удаленький. Зовут его «Рион». Построили его конструкторы с рабоче Кустанского автомобильного завода.

«Рион» не может, конечно, тягаться силой с большим механизмом, но ведь не всегда разумно мощные тракторы использовать, особенно на подвозе гипсити инголарма. Установившая на нем различные приспособления, можно пахать, обрабатывать мембурады, косить, рвать минералы и подавать удобрения и даже гилать дрова.

уую ленту. Как только лента была перемотана с одной бобины на другую, концерт начался вновь; качество записи оказалось вполне удовлетворительным.

Применяется такой способ очевидно. Никакой обработки ленты не требуется, а качество записи контролируется на ходу с помощью специального зеркала. Применение видеомангитофона позволяет улучшить и сами передачи, внести большее разнообразие в телевизионную программу, избежать замен в программе и нарушения записи. Для магнитной записи, наши многочисленные телевизионные центры смогут захватить огромный объем программы.

А в области киноаэрофотографии? Не вытеснит ли видеомангитофоны нынешние киноаппараты? Сейчас ответить на этот вопрос трудно. Однако не исключено, что в дальнейшем, когда качество магнитной записи станет лучше фотохимической, нынешний способ производства кинофильмов будет заменен магнитным.

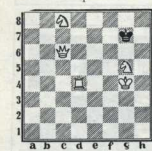
В. ОРЛОВ

МАЙСКИЙ КОНКУРС «СМЕНЫ»

КОНКУРСНЫЕ КОМПОЗИЦИИ

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Белые начинают и дают мат в четыре хода (3 балла).

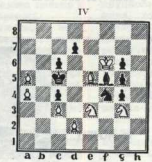
Белые — Крф, Фг1, Ле3, Лд4, Сет, пд с2 и с6. Черные — Крв4, Фв3, пп, а5, б4 и б5. Белые начинают и дают мат в четыре хода (3 балла).

Редация приглашает любителей шахматного искусства принять участие в нашем майском конкурсе.

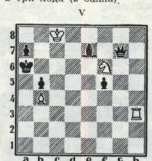
Участникам конкурса предлагается решить семь шахматных композиций. Они различны по трудности. Максимальная оценка за все правильные ответы — 15 баллов.

Решения должны быть четко написаны. Если у вас есть варианты, их также следует указать. Не забудьте сообщить свою фамилию, имя, возраст, адрес, место работы или учебы.

Победителей увидят в следующем номере. Прогнозируемый срок отправления писем в редакцию с пометкой на конверте «На конкурс и леден» — 15 июня 1960 года.

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

Ход белых. Как вы оцените эту позицию? (2 балла).

Белые — Крв6, Фв7, Ке3, пп, а4 и d2. Черные — Крв4, Фс5, Кг6, пп, с6, г5 и h4. Белые начинают и выигрывают (2 балла).

КРОССВОРД «СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

Составил А. ЩЕПОТНИК

(г. Архангельск)

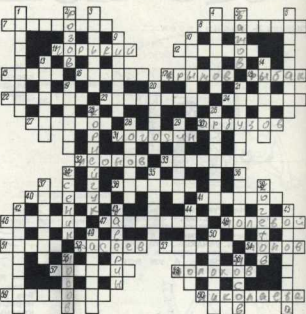
Назовите фамилии авторов, произведения которых здесь указаны:

По горизонтали:

- Поэма «Флаг над сельсоветом».
- Роман «Восна на берегах».
- 11 «Синий об Италии».
- 12 Роман «Синий об бурни».
15. Сборник очерков «Солд и леден».
- Песен «У нас в общегородской свадьба».
- «Поминиш, мама?».
17. Повесть «Переяславская рада».
22. Сборник «Морская душа».
23. Поэма «Яна земля».
24. Сборник «Поэзии — любимая подруга».
27. Пьеса «Под шапками».
28. Пьеса «Крикунина история».
31. Пьеса «Кремлевские куриты».
32. Пьеса «Русский лес».
33. Вспоминашки «В Крайнем полунось».
38. Пьеса «Великая сила».
40. Повесть «Судьба Родины».
41. Роман «Ташкент — город хлебный».
46. Поэма «Дорога к миру».
47. Трилогия «Родина».
48. Повесть о настоящем человеке».
51. Очерки «Десятилетний дневник».
52. Роман «Молодой гвардия».
53. Книга «Что и видел?».
54. Пьеса «Семья».
57. Роман «Суровое поле».
58. Роман «Поднятая целина».
59. Сборник стихов «Из веселой весны».
60. Роман «Витва в пути».

По вертикали:

1. Повесть «Чудотворная».
2. Комедия «В добрый час».
3. «Испанский дневник».

4. Роман «Честь».
5. Книга стихов «Малхазиян шва-тудна».
6. Повесть «Малыш».
7. Роман «Северная Аврора».
8. Роман «Разин Степан».
13. Трилогия «Звезд над Самаркандом».
14. Повесть «Екатерина Воронина».
18. Сборник стихов «Под счастливой звездой».
20. Роман «Пароходник».
21. Стихи «Души старого батыра».
25. Пьеса «Крылья».
26. Сборник стихов «Улица Красных лор».
28. Роман «Искры».
29. Баллада о гнозидях».
34. Поэма «Русь Советская».
35. Повесть «Ясный берег».
36. Текст песни «Орлеан».
37. Книга «Михаил Васильевич Ломоносов».
39. Роман «Братья Бронны».
42. Роман «Валгунис небо».
43. Роман «Ван Клинтон».
44. Книга стихов «Горизонт».
45. «Алтайская повесть».
49. Сборник рассказов «Зимний лес».
50. Пьеса «Фабричная девушка».
53. Роман «В гору».
56. Повесть «Вит Малеев в школе и дома».

ШУТКА ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится маленький секретный альбом, принадлежащий кому-то из близких друзей Чайковского. На четвертой странице альбома обращает на себя внимание стихотворение, сочиненное и сочиненно написанное великим русским композитором.

Вот они, эти шуточные стихи¹, «главным героем» которых является любимый альбом композитора Вишня: «Вы сделали бедной Вишню. Ей обеспечили покой и снисходительный сладкий рай. Тепло и сытость — все обеспечено, и в издании! Не холодно, не черства. Не холодно, соболича эта. Вообразил во мне поэта. Мне поручили слова да. Визначили Вам сказать она.

Ей волены испония И в удовольствии имени Сесе, конечно, эту честь. Дерзаво Вам я предостиди Дать благодарности душевной. Теперь принаблито от себя, Чтобы исполнить всех, любя! В заботе Вашей звездной О Вишне ветреной моей, — Нередко думаю о ней, — Вы о вспоминаю, что и бярин Ея Вам очуно благодарен... Что он покорный Ваш слуга И, что пока его надо Ходить, а мозг работать, будет. Он Вас, как Вишня, не забудет! М. П. Чайковский. Москва, 20 го октября 1873.

В VII Белые — Крв2, Фв1, Лв3, Лс7, Св6, Кв3, Ке6, пп, а4 и с6. Черные — Крв6, Фг2, Ле4, Сг1, Св6, Кг3, пп, а5, а6, а5 и f4. Каким образом белые быстрее всего могут поставить мат черному королю? (3 балла).

Рядом со стихотворением — две нотные строчки, тоже написанные Вишней. Композитор сочинил и сложил в своем музыкальном монологе: «Собачья интонация, бесовственная Вишня, ты никогда не оставила меня. Ты видишь, болен я, чихаю и одышка толкает младую груду, умру я, Вишня, кляня!» Эта мелодия-шутка до сих пор иногда не исполняется. Забавные стихотворения и замечательная шутка характеризуют гениального композитора как инженерного, веселого человека, который в свободную минуту не прочь был пошутить. М. СИТКОВСКАЯ Г. ЭНЦИННА

Первая страница обложки: Четверо отъявленных: А. Зитганнш, Ф. Нопландер, И. Федотов, А. Крючювинский. Фото М. Саввина.

Главный редактор А. В. Никонов. Редколлегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. Е. Егоров [ответственный редактор], В. А. Кочетов, В. Д. Николаев [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, А. А. Сокин, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы: литературы и искусства — Д 3-34, очерков, публицистики, юмора и сатиры — Д 3-31-68, науки и техники, спорта — Д 3-38-82. Международной печати, информации — Д 3-36-60, писем — Д 3-31-69, оформления — Д 3-34-22.

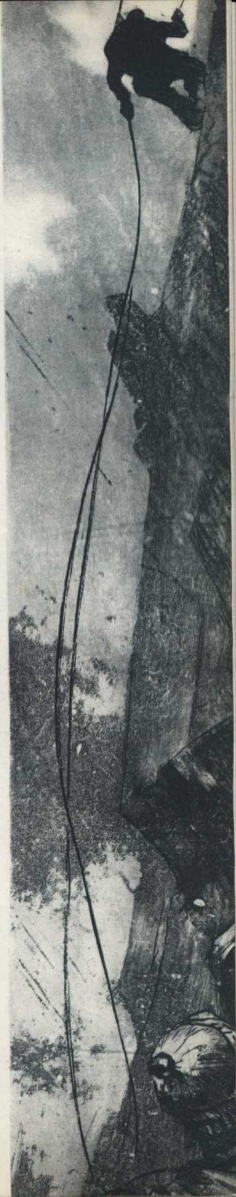
Оформление С. Спасского. Технический редактор А. Ерасов. Рукописи не возвращаются.

А 05801. Подписано к печати 16.V 1960 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 751. Заказ № 1078. 2,25 б. л. — 6,17 г. Формат бумаги 70x108x. Отдана в печать 10.VI 1960 г. Москва, ул. «Правды», 24.

ГЛАВМ
МОСОВСКИХ
ХУДОЖНИКОВ

В. Шистко. АЛЬПИНИСТЫ.

ВЗГЛЯД ТУНЕЯДЦА В БУДУЩЕЕ.

Рисунок И. Семенова.